В.Н. Черепица

Повседневная жизнь пенсионеров на постсоветском пространстве в 1990-е годы

(по материалам частной переписки)

журнал АСПЕКТ
ПРИЛОЖЕНИЕ
серия ИСТОЧНИКИ
Белград
июль 2018

ПРИЛОЖЕНИЕ
к международному электронному журналу
социальных и гуманитарных наук «АСПЕКТ»
http://aspects.su/
Серия - ИСТОЧНИКИ. Июль 2018
ISSN 2560-3752 (Online)

В.Н. Черепица

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕНСИОНЕРОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 1990-Е ГОДЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ)

Издательство международного электронного журнала социальных и гуманитарных наук
«АСПЕКТ»
http://aspects.su/

Белград
Июль 2018

УДК 947.6 ISSN **2560-3752** (Online)

ББК 63.3

Ч-46

Черепица, В.Н.

Повседневная жизнь пенсионеров на постсоветском пространстве в 1990-е годы (по материалам частной переписки) / Автор-составитель В.Н.Черепица. – Гродно: Гродненский государственный университет, 2018. – 71 с.

Повествуется о повседневной жизни пенсионеров Беларуси, России, Украины и Киргизии с использованием их писем в 1990-е годы на имя проживавшей в Гродно Черепицы (Шатохиной) Валентины Ивановны (1923-2000) – матери автора-составителя настоящего издания. Определяются факторы, приоритеты и особенности настроений пожилых людей и пенсионеров, влияющие на состояние и уровень их повседневной жизни. Дается оценка эпистолярного наследия в качестве исторического источника для более полного понимания процессов, протекавших в обществе на постсоветском пространстве в переходный период.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……4

1.Письма к маме в Гродно от подруг и бывших соседок из города Лиды Гродненской области (Республика Беларусь) ……..13

2. Письма к моим родителям в Гродно от родственников из Брянской и Ленинградской областей (Российская Федерация) ……..34

3. Письма к маме и папе в Гродно от родственников из Черниговской области (Республика Украина) ……..52

4. Письма к родителям в Гродно от дочери Гали из г. Бишкека (Республика Киргизия) 57

Заключение ……69

ВВЕДЕНИЕ

Более четверти века прошло с той поры как не стало Советского Союза – страны, в которой было рождено большинство из авторов публикуемых ниже писем. О причинах произошедшего написано немало солидных исследований, однако при всей их научной значимости в них как-то проигнорирован тот факт, что данная геополитическая катастрофа была еще и огромной человеческой трагедией, причем, на самом, что ни есть, повседневном уровне. Не секрет, что в последнее десятилетие XX века на фоне непомерного обогащения ничтожной кучки новых «хозяев жизни», для большинства людей и в особенности пенсионеров забота о «хлебе насущном», тревога о судьбах родных и близких, разбросанных по разным уголкам некогда единой страны, нередко становилась чуть ли не главным смыслом существования.

В 1990-годы бывшие граждане СССР, внезапно оказавшиеся в составе других государств, стали меньше ездить друг к другу в гости, пользоваться почтовыми услугами и междугородней телефонной связью по причине введения новых денежных знаков, погранично-таможенных препон и дороговизны транспортных и прочих непредвиденных расходов. Резко сократилась традиционная переписка между людьми, и лишь пенсионеры привычно продолжали писать друг другу письма о своем нелегком житье-бытье. Именно благодаря пенсионерам как-то и поддерживалась год от года все слабеющая связь между регионами страны, между некогда близкими людьми. В ее поддержании в те годы принимала участие и моя мама, письма к которой сравнительно недавно попали ко мне. Сегодня большинства людей, с которыми она переписывалась, как и ее самой, к великому сожалению, уже нет в живых, а вот их письма к ней сохранились, и в них содержится немало полезной информации о том, как жили и выживали, о чем думали и мечтали те, кто и до этого повидал и испытал на себе немало трудностей и невзгод как в военную, так и в послевоенную пору. Прежде чем перейти к содержанию данной переписки, необходимо, хотя бы кратко, познакомиться с ее участниками.

Моя мама, Валентина Ивановна Черепица (в девичестве Шатохина), родилась в 1923 году в селе Бутре Орловской губернии, то есть той ее части, которая вскоре вошла в состав Брянской области. Мамин отец – Иван Григорьевич Шатохин был уроженцем этих же мест. Вспоминая о нем, мама рассказывала, что перед самой революцией 1917 года Иван окончил в Петрограде Ботаническую школу, однако поработать по специальности «садовод-пчеловод» он так и не успел. В начавшейся вскоре гражданской

войне он воевал на стороне красных в 1-ой конной армии С.М. Буденного, участвовал в советско-польской войне 1920 года, а после ее завершения и мобилизации был назначен начальником лесопильного завода на станции Синезерки. После трагической смерти Ивана Григорьевича в 1929 году его жена Шатохина (в девичестве Статутова) Елизавета Ивановна и четверо детей (кроме старшей Валентины были еще ее братья Виктор, Евгений и сестра Нонна) перебрались на жительство на станцию Жудилово, что неподалеку от Унечи. Здесь, благодаря помощи родственников, для них был куплен небольшой старый дом, корова, необходимый для жизни инвентарь. Елизавета Ивановна стала работать продавцом в магазине, а ближайшей ей помощницей по ведению домашнего хозяйства и уходу за младшими детьми стала Валентина. В школу все детвора ходила в ближайшее к станции село Староселье.

После окончания девяти классов неполной средней школы Валя поступила на курсы железнодорожных связистов, которые были организованы при станции Унеча. Летом 1940 года она вышла замуж за машиниста местного депо Николая Ивановича Черепицу. Происходил он из семьи белорусских беженцев периода Первой мировой войны, осевших после гражданской и советско-польской войн на Брянщине. Ко времени свадьбы Николай успел выучится в Гомельском ФЗУ на помощника машиниста и даже отслужить два года на Дальнем Востоке в железнодорожных войсках в должности машиниста паровоза. Последнее говорило говорило о зрелости и надежности Валиного избранника, да и она сама всем пришлась по душе Николаю: веселая, певучая, играла на гитаре. На скромной свадьбе были лишь ближайшие родственники, друзья и подруги. Все гулявшие на ней дружно желали молодоженам счастья, совета да любви. Однако недолго довелось пожить им в радости и надеждах на лучшее – ровно через год грянула большая война. Одна из первых бомб, сброшенных немцами на станцию Жудилово, попала прямо в их небольшой купленный перед самой войной домик, образовав на его месте большую воронку. Хорошо, что сами хозяева его были в это время в Унече, на работе. Впрочем, что такое вражеская бомбежка, они познали уже и там: эту станцию также бомбили в этот день.

Вместе с коллективом депо молодожены участвовали в эвакуации местных предприятий на восток, а самого депо - уже на станцию Лиски, что под Воронежем. Отсюда под постоянными бомбежками вражеской авиации на фронт и с фронта Николай водил воинские составы с самыми разными грузами, и однажды, оказавшись в окружении, чуть не попал со своей бригадой во вражеский плен. Не легче было ждать мужа-машиниста и Валентине, остававшейся в Лисках с только что родившейся маленькой дочуркой Нэлей на руках, но вместе они сумели пережить все трудности,

неустроенность, голод и холод, выпавшие на их долю в годы войны. В их памяти остались навсегда и те места, куда в ту пору перебрасывали паровозную бригаду отца – Казахстан, станции Кандагач, Гурьев и другие.

После освобождения Унечи в 1944 году Николай и Валентина с дочерью Нэлей вернулись в родные края, где под самый новый 1945 год родился я, их сын и брат Валерий. Глава же семейства в это время был прикомандирован к разным паровозным депо на территории Беларуси, откуда водил необходимые фронту составы все дальше и дальше на запад. Когда война закончилась, отец трудился в депо станции Гродно, откуда он и приехал за своей семьей в Жудилово, где впервые увидел и меня. В Гродно мы пожили немного, жилья здесь не было и даже не предвиделось, и отец согласился на свой перевод по службе в депо станции Лида.

Здесь, в этом небольшом белорусском городе, на пути между Гродно и Минском, и прошла большая часть жизни нашей семьи. Жили мы вначале в утепленном, чем пришлось, вагончике, который составлял вместе с другими теплушками целый поселок, на подобии цыганского, стоявший в станционном тупике. Большим событием для нас стало получение в 1949 году двухкомнатной коммунальной квартиры, в только что восстановленном немецкими военнопленными в так называемом «доме железнодорожников». Получение долгожданного ордера на это жилье ускорил и факт рождения моей младшей сестры Гали.

Все жильцы этого небольшого двухэтажного дома действительно работали на железной дороге, за исключением, пожалуй, нашего соседа сверху Никанора Дмитриевича Ковальчука, но даже и он был директором не обычной, а 52-й, опять-таки, железнодорожной школы. Нашим соседом по общей кухне с большой печкой «голландкой» был недавний фронтовик-разведчик, помощник машиниста Виктор Николаевич Животов, работавший в одной бригаде с отцом.

Большинство из женщин «дома железнодорожников» из-за обремененности детьми и отсутствия работы в городе, считались домохозяйками, и это действительно было так. Помню, как по особому гудку отцовского паровоза, наша мама и тетя Маруся – жена дяди Вити, сразу же начинали готовиться к встрече из поездки мужей: растапливать печь, греть в больших кастрюлях для мытья воду (душевых тогда еще в депо не было, и паровозники возвращались тогда домой чумазыми и замасленными), готовить немудренную еду. А поскольку при доме были небольшие огороды, а в сараюшках – свиньи, коза, кролики и куры, то работы, вместе с уходом за детьми, у женщин нашего дома было невпроворот. Занимались они и рукоделием (вязанием, вышивкой и прочим), и все это под разговоры о

пережитом, покинутых ранее местах и, конечно же, о войне, оставившей в их памяти немало горестных моментов. Разумеется, что мы, дети, благодаря этим разговорам, вольно-невольно расширяли свой жизненный кругозор, хотя при этом взрослые нередко просили нас пойти во двор «погулять».

В том же 1949 году в нашу семью пришла беда. После окончания одной из поездок, в ходе устранении какой-то поломки на паровозе с помощью зубила и кувалды в глаз отцу попал кусочек металла. В деповском медпункте сделали перевязку и посоветовали обратиться в поликлинику. По дороге туда он заскочил на минутку домой. Мы, дети в это время сидели за обеденным столом. Мама, увидев в таком виде папу, тотчас же скороговоркой успокоившего ее, дескать, ничего страшного, что-то в глаз попало, сразу же захотела посмотреть, что у него под повязкой. Он поначалу возражал, но потом сдался… После чего мы услышали мамин крик и леденящие душу слова: «Коля, какая соринка? У тебя глаз вытекает, пошли сейчас же к врачу». После нескольких посещений местной поликлиники, родители по совету врачей поехали в Вильнюс, к какому-то профессору-окулисту, но и тот, внимательно осмотрев отца, понурив голову сказал: «Извините, но ничем вам помочь я уже не смогу, упущено драгоценное для нужной операции время». Вот так неожиданно для всех наш папа лишился зрения на один глаз и любимой работы.

Свое отстранение от вождения поездов и перевод в дежурные по складу топлива, да и сам факт инвалидности, папа переживал достаточно тяжело. Иногда срывался, приходил домой выпившим, стеснялся своего увечья, доказывая сам себе и родным, что оно случилось не по его вине и тем более не в пьяной драке. И только благодаря маме, вниманию и поддержке соседей, родных и близких, отец постепенно стал приходить в норму и жить полноценной жизнью дома и на работе. Вскоре, несмотря на негативное отношение тогдашней власти к религии, отец взял на себя инициативу по крещения Нэли (она стала Неонилой), меня и маленькой, тяжело болевшей в это время Гали, в единственно действующей тогда в Лиде кладбищенской Свято-Георгиевской церкви. Не оставляли нашу семью вниманием и родственники из Жудилово, Унечи, Брянска и других мест. На день-другой они иногда навещали нас, привозили нам, детям, какие-то гостинцы, но чаще писали нам письма и открытки.

Сколько себя помню, всю переписку с родными и близкими, вела у нас мама. Папа, иногда в шутку называл ее - «наша домашняя канцелярия», желая тем самым поощрить ее деятельность в этом направлении. Но чувствовалось, что это занятие и ей самой нравилось. При этом речь шла как о выполнении ею обязанностей по учету оплат по ЖКХ, но прежде всего по поддержанию контактов с внешним миром. И у нее действительно как в нормальной

канцелярии всегда были наготове наши как недописанные, так и целые школьные тетрадки, стеклянная чернильница-непроливашка, ученическая ручка с набором перьев, простые и химические карандаши, всегда хорошо зачиненные с помощью простенькой точилки и, конечно же почтовые конверты с марками. Со временем эти простенькие письменные принадлежности мама обновляла, и у нее вместо перьевой ручки появились вначале чернильная авторучки, а затем и т.н. шариковая, однако свою преданность именно школьным тетрадкам в качестве материала для писем она сохранила на всю свою жизнь.

Обязанность, поддерживать почтовую связь семьи с далекими и близким людьми мама взяла на себя вполне добровольно, справедливо полагая, что у нее на это дело имеется больше времени, чем у занятого посменной работой отца. Происходило это еще и от того, что она не только в шутку, но и всерьез жила в духе когда-то сказанного ею отцу: «Конечно, Коля, ты – глава семейства, но я – шея, куда поверну, туда и голова пойдет». Отец на такое распределение функций семейного организма не обижался, и только как мог отшучивался примерами о том, что у человека первично, а что вторично, и как все это работает. Будучи влюбленным в географию, много повидавший во время службы в армии на Дальнем Востоке, водившим во время войны составы из Персии в Советский Союз, отец увлекательно рассказывал нам, детям, о том необычном, что нередко случалось с ним и встречалось ему в пути. Мама, присутствовавшая при этом, нередко вполне серьезно замечала: «Коля, а ты мне раньше не так об этом рассказывал…», и начинала исправлять его. Он же в ответ ей спокойно и с улыбкой говорил: «Валя, да все также я тебе об этом рассказывал, но это же дети… А вообще, если не хочешь слушать, так не мешай врать…». Тем не менее мы верили отцу и продолжали слушать его удивительные рассказы.

Впрочем, и мама также была умелой рассказчицей, но услышанное от нее касалось больше ее воспоминаний о детстве и юности, о наших предках и родственниках, их судьбах, причем, не только из своего, но и из отцовского рода. Данные ею их описания и характеристики, как показала и наша жизнь, были образными и достаточно правдивыми. Она была исключительно открытым и правдивым человекам, но при этом очень обязательной, отзывчивой и доброжелательной. Она очень быстро сходилась даже с совершенно ранее незнакомыми ей людьми. О лучшей попутчице в дальней дороге чем она, не надо было и мечтать. Мама, пообщавшись с соседями на одной скамейке в зале ожидания на вокзале или в купе поезда, через короткое время уже расставалась с ними как с друзьями или дальними родственниками. И к ней последние относились также хорошо, тепло и доброжелательно.

Ее разговорчивость и общительность никого никогда не раздражала, ибо была своего рода реакцией застенчивого по природе человека на вынужденное молчание и некоторое кажущееся отчуждение. Мама не могла долго переносить это даже состояние и первой делала шаг навстречу своим попутчикам. Другое дело ее общение с соседями по дому. Оно прежде всего было продиктовано желанием мамы помочь, что-то подсказать или просто посочувствовать тем из них, кого внезапно настигли те или иные жизненные трудности. Веселая и общительная, мама могла быть решительной и принципиальной особенно тогда, когда близкий ей человек нуждался в защите.

Помню, как она бесстрашно пошла навстречу выпившему соседу, поднявшего руку на свою жену, и сумела объяснить ему всю несправедливость и постыдность его поведения. Неоднократно видел, как шли к ней соседки за советом, шли, чтобы что-то одолжить (хлеб, соль, небольшую сумму денег), и она никому, никогда в этих просьбах не отказывала. Такой же внимательной, заботливой общительной она была и по отношении к наших школьным и дворовым товарищам, а также к их родителям. Про наших школьных учителей она говорила всегда только уважительно и живо откликалась на любые их замечания и пожелания в наш адрес. Кстати, свое общение с ними она продолжала и после того, как мы стали самостоятельными, взрослыми людьми.

Мама не оставляла без внимания любое полученное на наш адрес письмо. Как правило, получив письмо или поздравительную открытку, она знакомила всех домашних, а иногда соседку тетю Марусю с содержанием этих весточек, и после непродолжительного их обсуждения, сразу же садилась писать ответ своим адресатам. Став взрослыми и самостоятельными людьми, я и мои сестры, проживая на разном удалении друг от друга и от нее, с нетерпением ждали ее писем, дышавших любовью и проникнутых заботой о нас и наших детях, ее внуках. Они отличались доверительной простотой, логичной манерой изложения новостей и особой, только ей присущей, теплотой и задушевностью.

Когда Нэля и я обзавелись своими семьями и обосновались в Гродно, а Галя - в Бишкеке, мы благодаря весточкам от родителей, всегда были в курсе того, что происходило в нашей родной Лиде, а также у наших родственников по всей огромной стране. Что касается папы, то он в деле переписки полностью полагался на мамино искусство по этой части. Не скрою, что на первом году службы в армии, я и от него получал несколько писем. Помню и сегодня убористый отцовский почерк и какой-то особый, непривычный по сравнению с маминым, слог и стиль письменного обращения. Если мама писала так, как она думала и говорила, то в письмах отца присутствовало

какая-то особая мужская нарочитость, солидность что ли. Письмами армейской поры я очень дорожил, и за три года службы их накопилось у меня немало. Не знаю почему, но я после увольнения в запас привез их с собой домой и спрятал в небольшой старенький чемоданчик. Многие годы он и лежал нетронутым в родительском доме, а когда родители перебрались из Лиды в Гродно, то он куда-то бесследно исчез, скорее всего пропал во время перевозки.

Когда мы выросли и разлетелись по разным городам, мама, с детства влюбленная в кино, нашла самую походящую для себя работу, вначале контролера, а затем и киоскера в новом городском кинотеатре «Юбилейном». На эту работу, несмотря на свою раннюю гипертонию, она ходила как на праздник, имея счастливую возможность смотреть все фильмы, присутствовать на встречах со звездами советского кино, изредка навещавшие г. Лиду, а главное - общаться со многими давними знакомыми. Эта работа несколько не ограничила работу «нашей домашней канцелярии», а, наоборот, активизировала ее за счет расширения тематики и потока появившейся у нее информации. Отец, выйдя на пенсию, также не мог продолжать жить без работы, и ряд лет успешно трудился электриком и лифтером в лучшей городской гостинице «Лида». Отработав и придя домой, им всегда было что обсудить. В гости к ним, почаевничать и поговорить о жизни, почти постоянно приходили соседи по дому из числа их ровесников.

После того, как наш «дом железнодорожников», стал мешать строительству путепровода взамен старого железнодорожного переезда и он пошел под снос, нашим родителям и соседям по этому дому выделили неподалеку квартиры в новой пятиэтажке. Здесь мама сразу обрела и новых подруг. Когда же маме стало трудно ходить на работу, а отцу не продлили контракт по возрасту и состоянию здоровья, нами сообща и единогласно было принято решение о необходимости переезда родителей к нам со старшей сестрой, в Гродно. Не сразу, но тем не менее все-таки состоялся обмен их лидской двухкомнатной квартиры на хорошую однокомнатную в областном центре. В конце 1980-х годов их переезд сюда состоялся, мы произвели необходимый ремонт их нового жилья, и наши родители стали постепенно осваиваться на новом месте, изучать город, обзаводиться и здесь, как и в Лиде, добрыми соседями.

Вместе с родителями сразу переместился в Гродно и поток писем, получаемых ими. Разумеется, к этому времени он значительно уменьшился из-за ухода в мир иной маминой мамы, нашей бабушки Елизаветы Ивановны, переписка с которой ранее была самой устойчивой и насыщенной, а также и других родственников старших возрастов. Однако на смену им пришли оставленные в Лиде многочисленные друзья и соседи. В «лихие» 1990-е мама

и папа не бедствовали и в целом жили в достатке, хотя и не без проблем, охвативших основную массу населения Беларуси. Основной из них была, конечно же, потеря ими общей большой родины и реальная тревога за будущее своих детей, внуков и правнуков.

В 1995 году внезапно умер, не приходя в сознание папа, «побежавший» за продуктами в ближайший продовольственный магазин, а через пять лет, в 2000 году ушла из жизни и мама, причем также внезапно и не приходя в сознание. В 2013 году умерла моя старшая сестра Нэля, стоически на протяжении ряда лет боровшаяся с тяжелым заболеванием. Через какое-то время после смерти нашей Нэли ее муж Юрий Гаврилович Чепурной передал мне увесистый пакет с письмами к нашим родителям в 1990-е годы от разных лиц, находившийся на хранении у них. Характерно, что все письма в этом пакете были аккуратно разложены мамой по стопкам с учетом авторства писем и времени их получения. На большинстве конвертов в качестве получателя чаще всего указывалось имя мамы, так как именно она всегда писала ответ адресату, но в отдельных случаях в знак уважения к супружеской паре на почтовых конвертах указывалось и имя-отчество папы, наверное, не только в знак уважения к нему, но еще и потому, что он был старше мамы на девять лет. Такое же обращение к нему в самих письмах присутствовало чаще всего уже обязательно. Так обычно поступали ближайшие мамины подруги из числа ее ровесниц. Сестры же отца Ольга и Вера, мамин брат Евгений называли его всегда по имени.

Очень жаль, что в моем распоряжении не оказалось ни одного письма, направленного мамой к тем людям, с кем она переписывалась, но о их содержании можно догадываться по тому, о чем писали ей как наши родственники, так и мамины подруги и знакомые. Не будучи искушенными в тогдашней внутренней политике, участники данной переписки касались ее не напрямую, а только косвенно и чаще всего через призму волнующих их бытовых проблем, а также некоторых деталей личной жизни и жизни своего окружения.

Главная мысль, присутствующая в письмах к маме разных лиц, следующая: «Получила твое письмо, прочитала и сразу почувствовала себя так, как будто откровенно поговорила с тобой о тяжелом, наболевшем, после чего пришло облегчение и понимание того, что жить надо…». После чтения писем к маме мне показалось вполне возможным их обнародование, поскольку они несут в себе ту житейскую правду, о которой чаще всего не задумываются профессиональные исследователи, полагая, что жизнь пенсионеров всегда отличалась некоторой типичностью, связанной со старостью, болезнями, уходом в мир иной, и что некоторое, так полагают они, осложнение ее в «лихие» 1990-е годы, будучи явление само собой разумеющимся, не являются

тем сюжетом, о котором еще нужно что-то и писать. С таким отношением к прошлому трудно согласиться.

Все письма публикуются в полном объеме и, за исключением некоторых деталей, касающихся личной жизни самих участников переписки, а также родных и близких им людей.

1.ПИСЬМА К МАМЕ В ГРОДНО ОТ ПОДРУГ И БЫВШИХ СОСЕДОК ИЗ ГОРОДА ЛИДЫ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ)

Первая стопка писем из маминого пакета была адресована ей из г.Лиды от ближайшей на то время ее соседки и подруги Марии Михайловны Заниной. Что нам известно о ней. Практически мама и ее подруга были ровесницами. Только мама родом с Брянщины, а Маша со Смоленщины. Во время войны девушка пережила все ужасы немецкой оккупации. После войны сразу же пошла работать на железную дорогу, которая через несколько лет и привела ее в Лидское депо. В тяжелое послевоенное время девушка, чтобы выжить и получить место в общежитии бралась за любую предлагаемую работу. Была уборщицей и т. н. «вызывальщицей», в обязанности которой входило из-за отсутствия телефонной связи в любую пору суток ходить по домам паровозников и предупреждать их об очередной поездке, потом стала учетчицей, а через пару лет подучившись на краткосрочных курсах В Барановичах она перешла на работу в деповскую бухгалтерию. Несмотря на приятную внешность и живость характера с замужеством ей не везло. Вышла замуж за своего же деповского работника Евгения Занина. Прожив вместе около года, он поступил заочно в институт, а уехав в Москву на первую экзаменационную сессию, назад в Лиду уже не вернулся. И остались с той поры Мария с сыночком Толей без мужа и отца одинокими на многие годы. Со временем ей дали однокомнатную квартиру в нашем «доме железнодорожников», а потом она оказалась вместе с сыном вновь соседкой наших родителей, но уже по новому месту жительства.

В своем Толе она души не чаяла и все делала для того, чтобы вывести его в люди. Своими мыслями, переживаниями и проблемами она издавна привыкла делиться с нашей мамой, которая принимала живое участие в их разрешении. Росший без участия отца и под постоянной опекой матери с годами все более становился эгоистичным и грубоватым по отношению к ней. Последняя ради него все это сносила, всячески заботилась о его школьных делах. Надо отдать должное, что Анатолий парнем был головастым, особенно склонным к точным наукам, а потому он без особых усилий сразу после окончания школы поступил в престижный Московский физико-технический институт. Учился он хорошо, небольшую материальную поддержку он получал и от отца, жившего со своей семьей в Подмосковье, что вызывало определенное раздражение у Марии Михайловны. После окончания вуза Анатолий вернулся домой, устроился инженером на одном из лидских предприятий, но судя по всему, с производственной деятельностью у него что-то не заладилось, и он стал переходить с одного места работы на другое и в конце концов работал потом уже где-то просто рабочим.

Не складывалась у него и личная жизнь, о чем особенно переживала мать. Попытки ее заговорить на эту тему вызывали негативную реакцию со стороны сына, постепенно переходившего в категорию старых холостяков. Анатолий, потолкавшийся немного в годы студенчества в Москве среди либеральной публики, а затем столкнувшийся уже в рабочей среде с другими проблемами, постепенно начал превращаться в брюзгу и критика всего и вся. И это его неприятие действительности таковой какой она реально существует, обрушивалось прежде всего на свою мать. В совокупности с материальными и другими трудностями 1990-х годов все это становилось той основой, на которой осуществлялось общение Марии Михайловны с моими родителями. Об этом они говорили всякий раз при встрече на улице и дома. Постепенно эта тема вместе с другими запечатлелась и на странички тех писем, которые полетели по адресу мамы и папы уже в Гродно.

Наиболее активно эта переписка с тетей Машей продолжалась в 1992-1995 годах, потом она по ряду причин стала ослабевать. Последнее ее письмо к маме было датировано 24 июня 2000 года, но в живых оно ее уже не застало. Итак, начнем читать письма к моим родителям от Марии Михайловны Заниной.

20.04.1992.

Здравствуйте Валя и Николай Иванович.

Валя, получила твое письмо давно, за которое большое спасибо. А вот ответить тебе на него все никак не могла: то отложу это дело до вечера, а вечером возьму и забуду, а время все идет и идет. Да и писать собственно нечего, разве что о том, как по магазинам хожу и стою в очередях. Валя, Боже мой, до чего мы дожили. Дороговизна на все страшная, люди бегают от очереди к очереди злые, каждый хочет купить где, что подешевле. Мне просто страшно. В Лиде половина заводов стоит, а если какие и работают, то лишь в одну смену: одну неделю одна смена, потом неделю другая. А Толя мой вообще бегает каждый день, а работает только до обеда, но иной раз и того нет. Люди волнуются, думают, что будет дальше. Толя уже давно получает 200 руб. Считай это как хочешь: толи компенсация или безработица. А больше давать нечего, а не хочешь, так увольняйся и иди на биржу труда. А оттуда посылают в колхоз выбирать картошку на посадку из буртов. За работу платят каждый день, но платят от тонны, а потому на руки выдают гроши.

Пенсию мне назначили по первой категории за 41 год стажа – 880 руб. За март мне доплатили, так что за апрель получила 1200 руб. Вот благодаря этим доплатам мы и не голодаем. Продукты есть, а вот за мясом бегаю туда,

где подешевле, потому что брать свинину по 55 руб. за кг, а говядину за 60, очень дорого. Я бы хорошо смогла бы жить и на молочном, но Толе этого мало.

Теперь о другом. Валя, умер Остапенко из четвертого подъезда от сердца, а когда вскрыли, то у него оказался еще и рак легкого. Пролежал он в постели не вставая две недели. Потом завезли его в больницу, побыл часа два под капельницей и умер. Умер и машинист Баран. Николай Иванович его знает, он на пассажирских поездах работал (Отец, разумеется его знал. Помню, еще с детства, как он с юмором рассказывал о вызове по селектору этой бригады в поездку: «Волк, Баран и Заяц, готовьтесь ехать на Барановичи… Ну и ну, не бригада, а зоопарк какой-то». Последнее не было выдумкой, и сложилась эта бригада не искусственно, а как-то само собой. Экипаж был веселый, дружный и на такого рода подтрунивания совсем не обижался. - В.Ч.). Теперь про машиниста Зулаева Сашку. Он еще при вас болел горлом. У него признавали рак горла. Чувствует он себя совсем плохо, похудел страшно. Говорят, что только вода и манная кашка проходят еще как-то у него, и что жить ему осталось совсем недолго. Баба Дуня чувствует себя неплохо и умирать не собирается.

А в основном в доме все по-старому. Люди посидеть на скамейках во дворе мало выходят. Все сидят по квартирам. Я это просто понимаю. Народ из-за неразберихи случившегося в стране не решается высказывать свое суждение обо всем этом. Молчат об этом и наши соседи-поляки. Я как-то раз сказала Домбровскому из второго подъезда: «Вот вы раньше все кричали - «дурные советы, дурные советы», а где же теперь ваши умные поляки, чтобы наладить у нас и у себя экономику? Раньше им золото шло из России, Белоруссия своего не добывает, так что одна у вас и есть надежда только на заграницу». Он ничего не ответил, смолчал. Вот и все мои новости.

Передавай привет Нэле, Валере, Гале и всей вашей молодежи. Как вам хорошо вместе – вокруг все свои, а я одна. Пиши – Маша.

17.05.1992.

Здравствуйте Валя и Николай Иванович.

Валя, получила твое письмо давно. Спасибо за приглашение в гости. Может быть и приехала бы, но сестра прислала телеграмму, с просьбой присмотреть за хозяйством, так как ей нужно было срочно выезжать в Москву

для оформления стажа для получения процентной надбавки. Кинулась на вокзал за билетом. Билетов плацкартных не было, а только общие. Потом нашли мне место нижнее боковое, при чем у самого туалета, но кое как на родину съездила.

У нас, в Лиде, все также дорого, как и у вас, в Гродно. Теперь и масло с сахаром подорожало, но я постараюсь их выкупить еще по старым ценам. Говорят, что с 1 июня подорожает молоко и все мясное. Будет, как в России. В Москве масло по талонам по 125-150 руб., да и то не нет. А вот тебе еще такая наша новость. Умер наш сосед Лебединский. В последнее время он еще работал, но чувствовал себя плохо. Янина в тот день была у дочки в Минске, а сын жил семьей отдельно. Позвонил он вечером к отцу, а тот не отвечает. Тогда он пошел в милицию, взял с собой милиционера и в два часа ночи пошли. Стучали, не достучались. Взломали дверь и вошли в дом, а он на кухне лежит растянувшись на полу с карвололом в руке и уже мертвый. Составили акт, на второй день съехалась вся семья, а на третий день состоялись похороны. Люди так об этом говорят: «Тащил, мол, Либединский в дом все под себя, вот и сдох, как зверь, в одиночестве». А еще, Валя, скажи Николаю Ивановичу, что умер Кучейко со Скрибовцев, который был дежурным кочегаром в депо. В последнее время он работал на топливном складе. Инфаркт. А жил он в однокомнатной квартире в доме возле новой железнодорожной поликлиники. Остальное все по-старому.

Да свидания, целую Вас крепко. Передавайте привет всем своим детям и внукам, которые живут в Гродно, и конечно Гале. Маша.

08.07. 1992.

Здравствуйте мои дорогие, Валя и Николай Иванович.

27 июня я наконец-то возвратилась от сестры к себе домой. От работы там по хозяйству похудела на 8 кг, о чем не горюю, но радикулит пока меня не отпускает. Так что хожу до сих пор в поликлинику на процедуры. А теперь о том, как живут у меня на родине, в Смоленщине. На огородах и дачах везде воруют лук, картошку, другие овощи. Люди днем и ночью сторожат их по несколько человек, но и это не помогает. А картошка у них нынче плохая. С момента моего приезда туда и до конца июня прошел только один небольшой дождь. Картошка не растет, но ее и малую уже растаскивают. Впечатление такое, что люди не живут, а существуют и все терпят. Откуда у русского человека такое терпение. Пенсия у сестры только в мае стала 900 руб., но все говорят, что с июля будет перерасчет, а до мая получала всего 405 руб. с дотацией.

Валя, обрати внимание на цены: хлеб черный в городе – 10 руб., а в деревне за привоз – 10 руб. 80 коп.; батон белый соответственно – 9 и 9 руб. 80 коп.; литр молока – 10 руб., сметаны – 55 руб.; кг творога – 45 руб., но его редко увидишь. Мяса в магазинах Смоленщины не видела, на базаре 1 кг – 200 руб., и люди с деньгами его берут. Масло сливочное здесь же 1 кг – 170 руб., а в Москве – 220 руб. Сахар по талонам 1 кг – 48 руб., а коммерческий – 106 руб. Водка по талонам за бутылку – 102 руб., ее не задумываясь берут и тут же пьют. Пропили все. Воровство, спекуляция, разврат и убийства – вот чем наводнена сегодня Россия. Ведро картошки на базаре – 80 руб., а в магазинах ее нет. Сало из Белоруссии везут и спекулируют, за 1 кг по 150-200 руб. в Москве только дай и дорогой билет для спекулянтов не помеха. Десяток яиц – 25-30 руб., 1 кг конфет карамелек – 100 руб. Тряпки здесь есть, но очень дорогие, и их никто не берет, а обуви для Толи здесь совсем не видела. Подумай, как тут жить.

Теперь о новостях в Лиде. Николай Иванович, умирают наши сослуживцы. Недавно один за другим ушли в мир иной машинисты Зинченко, Синевич и Яцевич. Вроде бы еще вчера были живые, а тут словно мор какой-то, а врачи всем в причинах смерти пишут – сердечная недостаточность. Валя, а в нашем доме за неделю умерли Корчевский и Роза с вашего подъезда, а от чего никто ничего не знает.

Дорогая Валя, извини, что поздравляю тебе с твоим днем рождения в письме – на почте нет привычных открыток. И все равно я от души желаю тебе крепкого здоровья и большого счастья вместе с Николаем Ивановичем. Большой привет всем вашим детям и внукам, и Гале посылайте привет от меня. Пиши. Маша.

09.09.1992.

Здравствуйте, мои дорогие Валя и Николай Иванович.

Валя, я получила от тебя уже два письма, но до сих пор ни на одно из них еще не ответила. Основная причина – болею, а чем не знаю. Прыгает давление. Недавно оно у меня упало до 110 на 110, очень похудела и даже старые вещи висят на мне как на колу. Поэтому и писать не хотелось. Только не обижайся за такую откровенность.

Я всегда с великой любовью вспоминаю тебя, Николая Ивановича и все ваше дружное семейство. Видимо, на этом я и поставлю точку на хороших людях. Мой Толя получает очень мало, потому что мало на заводе работает, так как ее практически нет. А подрабатывать в колхозе не хочет. Когда я

попрекаю его за это, он говорит: «Тебе нужно много, вот ты и езжай». А зачем мне ехать, если моя пенсия намного больше того, что он на заводе получает.

У моих в деревне тоже не все хорошо. Придется ехать к сестре и помогать ей в уборке картошки, хотя она у нее в этом году неважная. Может быть до конца месяца приеду в гости к вам. Передавай привет всем своим детям и внукам. Пусть они будут в своей жизни счастливы. Ваша Маша.

22.11.1992.

Здравствуйте, Валя и Николай Иванович.

Валя, я вернулась со Смоленщины от сестры вчера. Было много дел, уборка, стирка и т.д., а здоровье ни к черту. Давление постоянно 180 на 100, сердце барахлит, но жить как-то надо. Как мне стало известно умерла в начале месяца Люда Мельникова. Умерла она в полном одиночестве. До ее болезни никому из ее родственников не было никакого дела. В морге лежала 9 суток, уже станция, где она работала собралась было ее хоронить. Потом с работы стали просить через военкомат, чтобы ее сына отпустили из части на похороны матери. И он приехал на 10 суток отпуска как раз в день похорон. А что толку, похоронил мать как бревно. Соседи собрали рублей 500, а он после похорон на ее мертвые деньги пил день и ночь с друзьями, а потом закрыл квартиру, которую для него покойная мать выкупила и уехал. Соседи говорили, что когда мать хоронили, все они плакали, а он стоял как остолоп. Похоронили в том, что она приготовил, все одеванное. Ужас и только. Дай вам Бог всего самого доброго. Крепко обнимаю вас и целую. Маша.

12.12.1992.

Здравствуйте, мои дорогие Валя и Николай Иванович.

Простите, что долго вам не отвечала. Валя, раньше я тебе уже писала о том, как ездила к своей сестре. После этого прошло уже немало времени, но нахождение на Смоленщине не выходит у меня из головы. В деревне российской сплошной кошмар. Воруют все и вся, где только можно. Вот и мне пришлось ходить воровать зерно курам за 6 км на свой ближайший совхозный ток, причем днем. Доберемся туда, а как увидим, что рабочие поехали в поселок обедать, мы, бабы, из-за кустов выходим на ток и воруем сумками, кто сколько донесет. Ой, Валя, днем ворую, а ночью не сплю. Сердце от страха, переутомления и стыда стучит и рвется из груди, подымается давление. Сестра тоже хотела идти со мной, но не может, так как ноги болят. Одним словом, людей довели до того, что вор на воре сидит и вором погоняет.

Все очень дорого. Картошка нынче уродила у всех, но все равно ведро ее стоит 200 руб., как и в прошлом неурожайном году. Мяса в магазинах нет. На базаре 1 кг – 300 руб., да и то не всегда, а когда привезут их колхоза какую дохлую корову. Масло – 250 руб., молоко – 25-30 руб. в деревне, а в городе 15-16 руб., если достанется. Кругом очереди. Сметана – 100-110 руб. за литр, творога не видела. Буханка хлеба – 20-25 руб., белый батон – 29-30 руб. Если у кого нет родственников в деревне, то беда и голод. Яйца раньше у них были дешевле, чем у нас, а сегодня 60-70 руб. за десяток. Капуста (14 руб. за кг) у них нынче хорошая, но половина ее в поле сидит, захватил первый мороз. И вот ближние ходят, ездят на это поле и рубят капусту, кто себе, а кто скоту, причем днем и на глазах у начальства. Я тоже притащила 6 кочанов и нашинковала ее целое ведро.

У самой сестры возле дома небольшой сад, участок под картошку, 3 парника, куры. Присматривать за всем этим приезжал племянник с женой из Москвы. Благодаря им удалось заготовить на зиму для себя и сестры всяких солений и варений. Взяли с собой и три мешка картошки, много лука, свеклы, моркови и прочего, так что уже в городе с голода не пропадут.

Теперь новости лидские. Может в газетах читала про Нинкиного зятя, который вконец проворовался. Оказывается его с архитекторов уволили за продажу участков сверх нормы и по блату. Люди говорят, что тогда от тюрьмы он откупился за взятку. После этого он с товарищами занялся цветными металлами, медью. Поймали их возле Воронова, на границе с Литвой, куда они эту медь перевозили. Против них завели крупное дело, но и здесь они отделались только штрафом. Брали и Нинку за спекуляцию по вечерам на Советской улице сигаретами и водкой, но она там и после этого, хотя и украдкой с этим товаром появляется. Я сама как-то видела.

Валя, недавно умерла от рака груди Света Ковалева (кассирша), а 10 декабря умер от рака горла Зулаев Сашка. Похоронили его хорошо, помогал в этом и депо, и хлебозавод, где его Света работала. Николай Иванович, нам в ноябре давали из депо деньги на закупку картошки по две тысячи каждому. Пенсию за декабрь я получила на 170 рублей меньше, чем ноябре, а почему, не знаю. Хватит ее только на поесть. Толя работает по 4 часа в день на протяжении недели, а неделя всего три дня. Получает только на хлеб. Вместе как-то проживем. До свидания, привет всем вашим детям и внукам. Маша.

23.03.1993.

Здравствуйте, мои дорогие Валя и Николай Иванович.

Валя, прости, что так редко пишу. Что вам дорогие написать? Живу как скотина, которую гонят, она идет и сама не знает куда, пока пастух не остановит. Как только встаю, так только и думаю, куда пойти и чего подешевле где достать. Очереди везде большие, все дорого, но люди трясут деньгами, не взирая ни на что, но мне нужно глядеть на все по своим деньгам. Вот и бегаю от одного магазина к другому. А тут еще весь март очереди ха всем молочным. Чтобы купить творог, а его дают на руки по две пачки, или купить сметану, а ее привозят мало, нужно занять очередь еще до открытия магазина. Иной раз настоишься в очереди, а тебе ничего и не достанется. Творога я употребляю много, потому что масла стоит дорого и надолго нам его не хватает, вот и хожу почти через рано утром в очередь. Просто не описать тебе, как меня эти очереди добивают. Если бы ты видела, как я похудела, зрение резко падает, а выбраться в поликлинику некогда. Вот поэтому и не пишу, хорошего ничего нет, а кому нужны эти жалобы.

Новостей в нашем доме нет никаких. Жильцы во дворе почти не собираются, если что мусор вынесут. Все сидят дома, ни то что было раньше. Вот и все новости. До свидания, всегда любящая вас Маша.

05.05.1993.

Здравствуйте, Валя и Николай Иванович.

Наконец-то, моя дорогая Валя, я выбралась написать тебе письмо, а главное в нем следующее. На днях раскрываю почтовый ящик, а там письмо. Я подумала, что от тебя или от сестры. Не глядя на обратный адрес, я вскрываю конверт и прямо у ящика начинаю читать. А написано в нем буквально следующее: «Здравствуй, Толя, Привет твоим домочадцам. Время сейчас тяжелое, смутное. Я хочу тебе помочь и не только это. Собираюсь сделать на тебя завещание на часть имущества, нажитого за прожитую жизнь. Будешь им доволен. Сообщи о получении этого письма. Больших тебе успехов и удачи». И подпись - Е.Л.Занин. Посмотрела адрес, письмо действительно от него. Я по началу от всего этого как бы очумела, и только потом стала обдумывать смысл письма. Толи дома не было, а когда пришел, то прочел и как-то громко вскрикнул. Миллионы, видно, сразу на него посыпались, но потом сник, бросил кушать и ушел на улицу. Было 5 часов вечера. Прошло часа два, его нет. Посмотрела во дворе, на улице, тоже нет. Подумала, что он в библиотеке, которая работает до 8 часов. На часах было уже около 9-ти, в такое время он уже всегда дома, а тут нет. Я так заволновалась, что сразу подскочило давление, потемнело в глазах, застучало сердце и мне стало казаться, что я теряю сознание. Сидя в кресле я дотянулась до лекарства, выпила его, и постепенно на меня нашло просветление и состояние мое

пришло в норму. Почти в 10 вечера заявляется Толя. Весь возбужденный, глаза красные, но трезвый. Я ничего ему не сказала, а он молча пошел к себе и лег. Утром я почувствовала, что ни могу пошевелить левыми ни ногой, ни рукой. Толя испугался, позвонил в скорую. Врач посмотрел и сказал, что у меня сильное нервное потрясение. Две недели, ежедневно Татьяна Петровна из первого подъезда делала мне уколы, пока не стало легче.

Дорогая Валя, если бы я знала, что он так отреагирует на слова Занина о завещании, то я это письмо ему не показала. Сколько он пережил. Я не думала, что оно на него так повлияет это. Долго не писал ответ, но потом сел за стол. Что и как он написал Занину я не знаю, только сказал мне, что отказался от его подлых имуществ, мол, поделись ими с кем живешь. Его, наверное, задело слово «часть», значит у него есть дети, вот пускай и думает о них, а мне от него уже ничего не надо. А если он остался один, и баба его умерла или ушла, то он этим завещанием хочет затянуть меня к себе, чтобы похоронить было кому. Завещание же получают после смерти. Нет уж, присматривать за ним и его хоронить я не хочу. Видно добегался, а сейчас вспомнил обо мне. Сказал еще, что обращался к нему в письме не как к отцу, а как к Евгению Львовичу. Никакого ответа от него Толе до сих пор нет

Теперь по дому. 7 мая умерла баба Дуня. Парализовало ее за два дня до кончины. Положили ее во гроб во все то, что было у не приготовлено. Завезли ее на кладбище и быстро закопали, а потом родные, приехав в дом, все меж собой перелаялись. Соседи собрали для бабы Дуни две тысячи рублей и отдали их внуку, с которым она жила, а дочка видно хотела, чтобы все отдали ей. Обидевшись, она собрала со стола водку и колбасу в сумки и ничего не оставила людям, чтобы они помянули покойную. Вот какие пошли теперь люди. Валя, передай Николаю Ивановичу, что 25 апреля умер машинист Ломанов.

Если все будет хорошо, то в конце мая или в начале июня поеду в деревню к сестре, помогать ей с огородам. Толя будет один. К 9 мая в депо мне выдали 500 рублей, праздник отметить. Валя, так хотела много тебе написать, но все из головы выпало, очень теряю память. Так хочу тебя видеть, так соскучилась. Плачу на день по несколько раз. Вот такие у меня дела. До свидания, крепко целую вас с Николаем Ивановичем. Вы самые близкие мои люди. Привет всем вашим детям и внукам, и Гале тоже. Маша.

22.07.1993.

Здравствуйте, мои дорогие Валя и Николай Иванович.

Долго я не писала вам, так как с 25 мая по 12 июля была у сестры в деревне на Смоленщине. Думала, что оттуда напишу, а там и посадка картофеля и работы по огороде, масса других дел. Как только я приехала, сестра на другой день поехала в Москву получать пенсию за два месяца. У них это делается как-то непонятно. Пенсии небольшие, но из местного фонда всем пенсионерам выплачивают в месяц по 1400 руб. Сестра за 40 лет стажа получает 10500 руб. плюс 1400 руб., а всего – 11900 руб. Размер пенсии зависит от стажа. Как здесь люди живут? В Москве – тяжелее, а на Смоленщине жизнь такая, как и у нас. Цены – молоко 60 руб. литр, сметана 540 руб., творог 480, масло сливочное и шоколадное 1380 руб., сахар 384 за кг, мука высший сорт 75 руб., макароны 168 руб., рыба мороженая – минтай от 450 до 700 руб., камбала 800 руб. за кг, сельдь тихоокеанская от 600 до 800 руб. за кг, мясо говядина от 650 до 900 руб., свинина от 1200 до 1300 руб. за кг, колбасы разные от 1150 до 4000 руб. за кг, десяток яиц 200-201 руб, ведро картошки 350 руб., водка разная от 440 до 590 руб. Крупа всякая и без талонов здесь намного дешевле. Тряпок навалом. Белорус приезжают в Москву, набирают здесь всякого барахла, а потом им у нас спекулируют.

В нынешнем году у нас на Смоленщине не будет ни ягод, ни яблок. В мае под Николу дал мороз до 7 градусов. Даже в парниках померзло все, что высадили. Картошка у кого была рано посажена вся померзла и пришлось ее пересаживать. На дубах почернела листва, свернулась и опадает. Старожилы уже такого и не помнят. Но кто позже посадил картошку, так она у них хорошая. Хлеб в деревне 40 руб. буханка, но его берут и кормят скот. Большинство работ делается за водку. Но в целом в деревне люди живут неплохо. Безработицы, такой как у нас, здесь нет. Если предприятие закрывается, то дают другую работу, переучивают, а кто не хочет, те бегут спекулировать. Кругом объявления о наборе рабочих на предприятия в Смоленске, Дорогобуже, Ярцеве, Гагарине. Цены за квартиры и коммунальные услуги те, что и были. Так что при хороших хозяевах жить можно.

В доме у нас все без особых изменений. У меня тоже. Помнишь, Валя, я писала, что мой Занин хотел узнать, что у нас за обстановка и как отреагирует на его предложения и обещания сын. А сын, ты сама знаешь, какой, и он сходу отмел все его обещания и завещания. И послал к черту такого отца. Прожил 43 года без него, проживет и дальше. В городе все дорого. Похожу по магазинам, посмотрю, да так ни с чем, кроме молока, и возвращаюсь. Очень скучаю и вспоминаю тебя каждый день. Привет Николаю Ивановичу и всем вашим детям и внукам. Маша.

15.09.1993.

Здравствуйте, Валя и Николай Иванович.

Валя получила твое письмо, и как всегда, всплакнула. Это и от радости, это и от печали. Боже, как все сложно в этом мире. В молодости по незнанию до поры до времени все так в жизни просто и хорошо кажется, а потом с возрастом только начинаешь что-то понимать, а жизнь то уже и прошла, и жить уже становится невмоготу. Смотришь, одни с каждым днем богатеют, а другие, наоборот, беднеют. Я в этом убедилась и на своем опыте. Газет уже не читаю, потому что не выписываю, дорого. Звонить по этой же причине тоже никому не звоню. Письма на родину, как и в войну, идут по целому месяцу. Книг читаю тоже мало, если только кто-то предложит что-нибудь толковое почитать. По телевизору смотрю только программу «Время» и сериал «Просто Мария». Вижу в нем 50 процентов своей жизни. Смотрю и плачу, а потом не сплю ночь. С соседями и знакомыми почти не общаюсь.

Толя ездит в совхоз «Тарново» копать картошку и тем немножко подрабатывает. В городе предприятия почти все стоят. Думала о приезде к вам, но как поедешь, когда ходишь с утра до вечера по магазинам в поисках продуктов, что подешевле. А потом сушу Толину одежду. Идут дожди, и он всегда приезжает мокрым. Если надумаюсь приехать, то обязательно позвоню. Очень скучаю. Пишу и плачу. До свидания, целую всех вас. Большой привет вашим детям и внукам. Маша.

25.01.1994.

Здравствуйте, Валя и Николай Иванович.

Валя, письмо твое давно получила, но ответить сразу на него не смогла. Болела и видно приходит мне конец. 25.12.93 г. пошла я за сахаром в «Колосок», куда мы прикреплены, и там я потеряла сознание. Еще перед уходом из дома у меня темнело в глазах, но идти надо. Протру их протру, немного пройдет, и я снова иду. Когда подошла к магазину, очередь стояла на улице. Я стала за соседкой Татьяной Петровной, а потом оперлась на стенку у окна. И тут у меня в глазах опять потемнело, и ноги стали как ватные. Тогда я сказала Петровне, что мне плохо. Она подскочила ко мне с какой-то женщиной из очереди и сказала: «Ложись на плечо и дыши глубже». Я кое что слышу, а сказать ничего не могу. Вызвали скорую, сделали укол, после чего мне полегчало. Стала чувствовать ноги, руки, шевелить языком. Привезли домой. Все новогодние праздники пролежала. Приходила Петровна и говорила, что когда мне стало плохо, то лицо у меня стала синеть, и она подумала, что произойдет кровоизлияние. Слава Богу, что этого не случилось, хотя какое-то

время язык во рту был неуправляемым и ноги как деревянные. Сейчас все это уже прошло, однако аппетита нет, по ночам не сплю, так что не обижайся, что не могла тебе ответить.

От такой жизни можно и рассудок потерять. Не знаю, как у вас, но у нас каждый день цены новые. Сейчас свинина по 12000 руб. за кг, сметана 2400 руб., молоко 75 руб. за литр, за десяток яиц 3300 руб., буханка белого хлеба 960 руб., батон 830 руб. Теперь мы его не берем, покупаем только черный хлеб за 140 руб. Недавно приватизировали свою квартиру. За это не платили ничего, хватило квот, стажа моего и Толиного, а 19900 руб. заплатила за всякие акты и обмерки. Скоро пойду за техническим паспортом квартиры. До Нового года он стоил 11200 руб., а сейчас говорят, будет уже подороже. Валя, в нашем подъезде умер от печени и диабета Васька, что жил на втором этаже. Пил беспробудно, и вот лежит раздутый, синий, страшно смотреть, а ему то было всего 47 лет. Беда, да и только. Других новостей нет.

Теперь о себе. Двигаться стала меньше. Очень похудела, все болтается на мне, как на колу. Нужно идти на обследование. А что идти, если лекарств нужных не купить, денег нет. Слабею с каждым днем, да и есть собственно нечего. Риса нет, гороха нет, манки нет. Одна перловка, картошка и блины. На мясное денег не хватает, все ищу разные полуфабрикаты, кур и уток подешевле. Толя получает мало, а за декабрь ему вообще ничего не дали, да и на январь надежд никаких нет.

До свидания, целую вас крепко, крепко. Привет всему вашему большому семейству. Ты хоть этим счастлива, все около тебя, все вы не одни, а я – словно пень лесной. Пиши, Валя. Жду от тебя весточек всегда. А из Москвы и Смоленска письма идут по месяцу. Как приехала еще ни одного не получала. Мое письмо идет месяц и от родных месяц. Вот и жду два месяца. Целую вас всех. Маша.

26.04.1994.

Здравствуйте, мои дорогие Валя и Николай Иванович.

Валя, ты по-прежнему меня ждешь и обижаешься, что я к тебе не еду. Не обижайся, на меня. Мне не сладко живется, а главное, что здоровья совершенно нет. Похудела сильно, двигаться нет сил, сердце забивает, а тут еще и спазмы сосудов головного мозга. Немного пройду и начинает темнеть в глазах, падаю в бездну. Как только начинает темнеть, я сразу сажусь. Раз даже возле забора села на улице, а люди проходят и слышу шепчутся, думают, что я пьяная. Вот до чего я дожила, а в магазин идти нужно. Цены же растут с каждым днем. Все это было бы сносно, но Толя с января этого года работает

только по 10 дней в месяц. Вот и живем вдвоем только на мою пенсию. За апрель она составила 147000. Скидок мне за газ и электричество нет, вот и заплатила за это 4850 руб., потом за абонемент холодильника 4500 руб. и за квартиру 4895 руб. Хорошо, что у меня одежда и обувь есть, а вот Толя весь поизносился. Старую обувь и ту нужно в ремонт нести.

В доме нашем жильцы начинают помаленьку умирать. Вот Адамушко с первого подъезда уже ничего не ест, не пьет - рак горла. У соседки, поселившейся в вашей квартире, в конце марта внезапно умер муж. Сколько было слез – не передать. Очень хочу к тебе приехать, да все никак не получается. Причины все те же.

Дорогие мои, Валя и Николай Иванович, поздравляю вас с наступающими тремя праздниками – с Пасхой Христовой, 1-ым маем и Днем Победы! От души желаю вам здоровья, счастья, а также семейных благ. Привет всем вашим детям и внукам. Поздравьте и их с этими праздниками от меня. Маша.

07.07. 1995.

Здравствуйте, дорогие Валя и по-прежнему Николай Иванович!

Валя, поверь никак не могу свыкнуться с тем, что его уже нет. Поэтому я долго и не писала. У тебя большое горе, а тут я со своими бедами, а о другом и писать нечего. К своим не ездила. Болею все время. 20 апреля у меня был сердечный приступ. Пошла с Тамарой Зулаевой в 12-й магазин за хлебом, там мне и стало плохо. Увидев, что я падаю, Тамара закричала. На мое счастье на ее крик подскочил военный врач, майор, который заходил как раз в магазин. Меня положили там же на стол для сумок, и начал мне делать искусственное дыхание. Вскоре прибыла скорая, которая тоже стала мне помогать, померяли давление, сделали кардиограмму. Незадолго до этого я переболела гриппом, и мне объяснили мой приступ как осложнение после него, и что если бы мне не была оказана своевременная помощь то меня уже бы не было на этом свете.

Семь дней лежала, потом встала, а через несколько дней умерла моя спасительница Тамара. Была родительская суббота, она только вышла из ванны, чтобы идти с дочкой на кладбище, на могилу к Зулаеву, и тут же упала на пол. Повторный инсульт, и через минут 20 она умерла. Хоронили ее хорошо. Я была на похоронах, лежала она, как живая. Женщины из ее подъезда организовали хороший поминальный стол, все говорили о покойной хорошо. Ранее я тебе писала, что от общего рака умер Бобровский, а Домбровский умер от водки.

Я, хотя и болею, но дома не сижу. Нынче давали пенсионерам по 3 сотки земли под огород по улице Свердлова, около старого аэродрома. Мы с Толей посадили там шесть ведер картошки, посеяли бураки, морковь и фасоль. Сейчас поеду туда на автобусе выбирать колорадских жуков. Делаю это каждый день, если этого не делать, то всю картошку сожрут. Еду на огород в 8 часов утра, а возвращаюсь в 2 часа дня. Как там хорошо, от автобусной остановки совсем близко. А вообще жизнь для нас очень дорогая. Толя неделями сидит дома, нет сырья, нет работы, а потому такие и заработки. В магазинах все дорого, больше сидим на молочном. А как ты там сейчас без Николая Ивановича? Крепись. У тебя хорошие дети, внуки, а я целыми днями лежала одна до прихода Толи. Со Смоленшины ничего не пишут. Я написала сестре, что болею, а в ответ ни слова больше. Видно рассудили так, раз работать не можешь, значит уже и не нужна. Ну, да Бог с ними.

Чуть не забыла. Дорогая Валечка, поздравляю тебя с днем рождения. Желаю тебе здоровья и спокойствия. Главное, что ты не одинока. Большой привет твоим детям и внукам. До свидания, крепко целую тебя. Маша.

27.12.1995.

Здравствуй, моя дорогая Валя!

Поздравляю тебя и все твое семейство с наступающим Новым годом. От всей души желаю доброго здоровья, счастья и семейных благ! Валя, давно я тебе не писала, да и, честно признаться, писать о своих хворях совсем не хочется. У нас в доме все по-старому. Домой на Смоленщину ни разу в этом году не ездила. Здоровье слабое, а потому какая от меня там помощь, да и денег маловато на эти поездки. Толя слабо работает. Больше сидит дома. Передавай привет твоим детям и внукам. Крепко обнимаю и целую. Твоя Мария.

04.03.1996.

Здравствуй, дорогая Валя!

Поздравляю тебя с 8-ым марта. От всего сердца желаю тебе доброго здоровья, счастья, бодрости духа и хорошего настроения! Вот и наступил первый весенний месяц, но что-то слабо пахнет весной. Снега навалило много, и он не думает таять. По утрам морозцы еще крепкие. А в нашем доме жильцы постепенно уходят в мир иной. Недавно схоронили Любу Никонову, что жила в 1-ом подъезде. До пенсии ей оставался один год. Умерла внезапно. Люди говорят разное, но я деталей не знаю. На ее похороны их подъезд собирал по

25000, а наш – по 10000 руб. Похоронили Любу скромно. Только что узнала о том, что на днях умер Виктор Животов. Сильно болеет Мария Кароза. Вот такие у нас неприятные новости. До свидания, моя дорогая. Передавай привет твоим детям и внукам. Крепко целую. Твоя Мария.

27.04.1997.

Здравствуй, дорогая Валя!

Давненько я тебе не писала, и не потому что не хотела, а потому что была у своих в деревне. Четыре месяца ухаживала за своей старшей сестрой (всю зиму и март). Приехала в Лиду 4 апреля. Сестра почти не ходит, у нее острый полиартрит. Мои москвичи хотели ее сдать на зиму в Дорогобуж, в интернат для инвалидов, а весной опять забрать домой. Узнав об этом, я отругала их, как только могла: «Как брать у нее продукты, деньги тянуть, так вы тут как тут, а как посмотреть за ней в зиму, так вам это трудно. Если так, то можете не приезжать сюда совсем.». После чего я оставила Толю и поехала к сестре.

Перезимовала я с ней хорошо. Дрова были, топила печи. За ее пенсию жили мы с ней неплохо. Сейчас у них все есть и значительно дешевле, чем у нас. Зима, хотя и была холодная, но я перенесла ее хорошо. Ходила в валенках с галошами, в телогрейке, теплый платок на голове. Налегали больше на молочное и яйца. Сметаны нашей белорусской сколько хочешь бери и не дорого. Ее привозят для того, чтобы из-за разницы в курсе доллара в Белоруссии и здесь, можно иметь небольшой, но навар.

Когда приехала в Лиду, то встретилась с твоей давней подругой Катей К. Смотрю, а она собирает макулатуру картонную. Встретились с ней буквально нос в нос. Увидев меня, она вся побелела со стыда и с трудом нашлась, чтобы поздороваться. А потом тихо сказала, что их дела плохи, сын не работает, денег не дает, а есть что то надо. Я у нее больше ничего не спрашивала. Одета она плохонько, во все старое, дочкино. А в доме у нас все пока без перемен. Если в мае будет бесплатный билет для пенсионеров, то постараюсь к тебе приехать. Большой привет всему твоему семейству и Гале в Бишкеке. Поздравляю тебя с праздниками – Пасхи Христовой, 1-ым мая и Днем Победы. Твоя вечно любящая Мария.

24.07. 2000.

Здравствуй, моя дорогая и милая Валя.

Давно я тебе не писала. Так сильно болела, что думала уже никогда больше не увижу тебя. А тут еще горе – сестра в деревне совсем перестала ходить. Пришлось, как и прежде осень и зиму жить и смотреть ее, после чего меня подменили москвичи. В последнее время чувствую себя совсем плохо. Хожу в поликлинику на процедуры и уколы. Как полегчает, то приеду к тебе. Только уже забыла на каком автобусе добираться к тебе от железнодорожного вокзала. От такой жизни и здоровья у меня все мозги отшибло. Одна мысль сразу перебивается другой. Пишу тебе, а слезы текут ручьем. Валечка, милая, прости меня за непоследовательность моего письма. Как приеду, то обо всем расскажу тебе по порядку. Обязательно приеду, только чтобы ты обязательно была дома. До свидания, крепко обнимаю и целую тебя и все твое внимательно-ласковое семейство. Привет вам всем. Ваша Мария.

* * *

Значительно реже шли к маме письма от ее самой первой и многие годы лучшей подруги-соседки еще по нашему дому железнодорожников – Екатерины Кузьминичны Ковальчук. Тетя Катя, как мы дети звали ее, была родом из Красноярска. В Лиду приехала сразу после войны, скорее всего по направлению для кадрового укрепления пострадавших от войны западных областей страны. Работала она в народном суду в качестве заседателя. Здесь же в Лиде она вышла замуж за недавнего фронтовика, капитана-артиллериста Никанора Дмитриевича Ковальчука. С той поры, как я его помню, он был уже преподавателем истории, а затем директором 52-ой железнодорожной школы. Жили Ковальчуки на втором этаже, а их соседями была семья дежурного по станции Лида Петра Ивановича Булацкого и его жены Нины, работавшей на обувной фабрике. Последние были по возрасту моложе Ковальчуков, а те в свою очередь были на несколько лет моложе наших родителей.

Тем не менее, наши семьи сблизились и подружились, чему в первую очередь способствовали наша мама и тетя Катя. Их сближало не только то, что они относились, в отличии от Булацких - коренных местных жителей, к так называемым «восточникам», приехавших сюда после освобождения города от немцев, но и родство характеров и воспитания, полученных в советской школе. Обе любили читать, ходить в кино и даже в отношении женской моды тех лет они были близки. Моего отца и Никанора Дмитриевича сближало общение на темы истории и географии. Разумеется Уровень их понимания этих предметов был разным: Никанор Дмитриевич воспринимал их с позиций науки, а отец жизни. Я никогда не видел их в состоянии заядлых спорщиков при обсуждении вопросов как войны, так и мира, а тем более текущей политики. В своих редких беседах-разговорах интеллигент-педагог и рабочий-железнодорожник весьма тонко и деликатно как бы дополняли друг друга, но

по отдельным вопросам они все-таки иногда оставались каждый при своем мнении.

Завидное единодушие они проявили лишь тогда, когда их жены, посмотрев дважды кинофильм «Кубанские казаки», потребовали от своих мужей переезда в те края, где люди живут весело и зажиточно, а не так, как им приходится в этой наскучившей им Лиде. Обе были молоды, хороши собой и увлечься тем, что показывали на экране, было так естественно и просто. Однако их мужья сумели найти в совместном шумном разговоре немало аргументов для того, чтобы жены одумались, а потом спустя какое-то время они сами уже с улыбкой вспоминали о своем тогдашнем порыве пожить так, как герои этого замечательного фильма-сказки, в котором все было так красиво.

Полюбилась им и песня из этого кинофильма «Каким ты был, таким ты и остался, орел степной, казак лихой…». Помнится, с каким особым чувством они исполняли на скромных застолиях тех послевоенных лет строчки песни, где были слова об мучительном ожидании женщин с фронта тех, кого они ждали и любили, а также о тех горьких упреках, которые высказывали мужчины в их адрес по возвращению домой. Мужчины же пели им в ответ: «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто погибал на снегу, кто в Ленинград пробивался болотами, горло ломая врагу…». Эти праздничные посиделки чаще всего заканчивались песней «Ехал я из Берлина», с ее любимым мужчинами припевом: «Эх, встречай, да крепче обнимай, чарочку хмельную скорее наливай!». Слух и голоса у отца и Никанора Дмитриевича были не ахти какими, но пели и улыбались они от души.

Дружили и общались родители и с нашими непосредственными соседями по общей кухне семейством Животовых, однако после их переезда по новому адресу, смерти тети Марии и повторного брака дяди Вити, это общение явно пошло на убыль. С Ковальчуками оно развивалось более стабильно. Маму и тетю Катю в немалой степени сближала учеба нашей Гали и Наташи Ковальчук в одном и том же классе, совместное посещение родительских собраний в школе и другое. После того, как мы с Нелей перевезли родителей в Гродно, какое-то общение с Ковальчуками поддерживалось фактом учебы их Игоря на истфаке университета, деканом которого я был. К сожалению, после смерти Никанора Дмитриевича, его сын совсем запустил учебу, а потом и совсем ушел из университета. Так с детства обожаемый и разбалованный родителями Игорь постепенно оказался на полном иждивении своей матери. Перед выходом на пенсию она работала в отделе кадров местного промкомбината, а после подрабатывала к ней там, где удавалось устроиться. Игорь же практически нигде не работал. Наташа после окончания политехнического института и выхода замуж жила от них отдельно.

По причине неудовольствия своим положением и тем, как складывалась жизнь детей, Екатерина Кузьминична уходила, что называется, в себя, но иногда она все-таки откликалась на письма нашей мамы, которой не скрывая, она в этом отношении по-хорошему завидовала. Таких писем за 1990-е годы сохранилось всего четыре. В них ее личные и семейные заботы отражены на фоне того, в каких духовных и материальных условиях протекала тогда ее жизнь.

03.06.1991.

Валя и Николай Иванович, какие же Вы все-таки счастливые родители, и вы вполне законно гордитесь своим сыном, недавно получившим высокое звания профессора. Вся наша семья горячо и сердечно поздравляет Валерия и Вас, его родителей, которые привили ему честность, трудолюбие и деловитость. Знаю, что Валерий добился всего в жизни исключительно своему труду и способностям. Еще и еще раз от всей души поздравляю с этим достижением всю Вашу большую и дружную семью.

У меня же в жизни все по-старому – нет ничего хорошего, и здоровье уже совсем подводит меня. Впрочем, и раньше в моей жизни не все протекало гладко. Как Вы знаете, я всю свою жизнь трудилась, работала, но так ничего и не нажила а сейчас вообще все приходится делать самой. Вот уже нужно делать ремонт в квартире, а сил на это уже просто нет. От Игоря я помощи давно не жду, у Наташи своих забот хватает, а зять не особенно стремится мне помогать. Надеюсь, что к зиме будет легче и дешевле нанять маляров.

На фоне нынешней дороговизны не могу не вспомнить уже далекие послевоенные годы. Зарплаты мы тогда получали низкие, но и цены были соответствующие. Помним, как не хватало то муки, то сахара, то крупы, много чего не хватало. Но вот что-то забастовок тогда не было, работали, трудились, а потом и совсем жили неплохо. А теперь, чуть что не так, сразу забастовка, орут отставка, отставка. Я не понимаю таких горлопанов, а Игорь говорит мне, что я в этом отношении человек отсталый. Я же считаю, что если ты хочешь, чтобы у тебя что-то было то, нужно честно и добросовестно трудиться, а не горло драть. А еще знаю, что нельзя жить за чужой счет и пользоваться благами, добытыми нечестным и преступным путем.

Ну, да ладно, не буду больше надоедать Вам своим нытьем. Желаю всем Вам хорошего и крепкого здоровья и всяких благ. С уважением – Кузьминична.

16.04.1992.

Здравствуйте Валя и Николай Иванович!

Давно к Вам не писала, но нет ни одного дня, ни одной минуточки, чтобы я не думала о Вас, о прожитых вместе с Вами годах нашей совместной жизни. Было в те годы всякое, и плохое и хорошее, но последнего было все-таки больше. А сейчас, когда время и жизнь идут ко дну, все чаще и чаще приходит в голову мысль о том насколько разной бывает судьба: к одним благосклонной, а к другим несправедливой. А может так и нужно. Возможно было бы и неинтересно, чтобы жизнь у всех людей складывалась одинаково, но не до такой степени неравенства, как это ужасно складывается сейчас. Здесь я имею в виду больше наше поколение. Сколько невзгод оно пережило не только в войну, но и в послевоенное время, а вот теперь они свалились на наших детей и внуков. Вижу, как некоторые из наших общих знакомых в полном смысле этого слова живут, имеют и все, и даже больше, ходят и ездят с поднятым вверх носом, а другие в это же время прозябают. Правда, первые, окунувшись в коммерцию и махинации, спекуляцию и самогоноварение, платят за свое «процветание» также немалую цену. Потихоньку и за них берутся. Ну, а что делать другим? Думаю, что терпение и труд все перетрут. Этот рецепт старый, но верный.

Что касается меня, то жизнь моя проходит по-разному. Хуже всего то, что здоровье подводит. Недавно видела Машу Занину, она говорила, что собирается в гости к Вам. Я пока работаю, но видимо буду ее бросать. Работа очень беспокойная, дежурство до 12 часов, особенно трудно ночью. Очень бы хочется встретиться и обо всем поговорить, но как к вам поехать, если изо дня в день то работа, то дом. С горячим приветом. Кузьминична.

17.07.1992.

Здравствуйте, дорогие Валя и Николай Иванович!

Валечка, простите меня за то, что забыла поздравить с днем рождения тебя, самого дорогого для меня человека. Представляю, как хорошо и дружно отмечали вы эту дату. Дети у Вас замечательные, добрые и чуткие, и это, как я понимаю сейчас, есть самое великое счастье. Я же похвастаться этим никак не могу. Очень беспокоит меня Игорь. Ему уже скоро будет 39 лет, а как он будет жить без меня я даже представить боюсь. Особенно сейчас, когда так быстро люди опять разделились на богатых и бедных, и мы с ним внезапно оказались среди этого большинства. Вроде бы работала, старалась жить экономно, а вот никакого капитала не нажила. Наташа всего достигла своим трудом, а Игорь оказался при всех его задатках к жизни совсем неприспособленным.

Знаете, Валя, сегодня многие из наших общих знакомых занялись торговлей. Клавдия Андреевна, что в военкомате работала, продает на улице сигареты, детскую жвачку и другую мелочь. Наша соседка Нина торгует всякой польской дребеденью. Тоня Дрякина торгует всем, что растет у нее на даче, но это хотя бы результат ее труда. Переключиться на это я никак не могу, и не потому, что стесняюсь. Просто все происходящее мне кажется таким уродливым, ненормальным и временным, что оно должно исчезнуть, как плохой сон. Особенно меня пугают нравы современной молодежи, их поведение и рассуждения о жизни. Вот Вы, Валя, написали, что Ваша внучка побывала в Америке и нашла там немало интересного. Но ведь, чтобы достичь их уровня жизни нужно много трудиться. А у нас люди с детства избалованы, не знают, что такое дисциплина и не знают, как нужно работать. Да, что там говорить, куда не глянь кругом пьяницы и тунеядцы. В советское время с этим хоть как-то, но пытались бороться, а сейчас все больше говорят о свободе, наверное, свободе ничего не делать. Ну, да ладно, что будет, то будет. Теперь, даже чтобы купить конверт, нужно идти не к киоску, как это было прежде, а на почту. Дожились.

Валя, еще раз поздравляю Вас с днем рождения, желаю всего самого хорошего, крепкого здоровья, полного благополучия. Всем Вам низкий поклон. С глубоким уважением к Вашим детям, они такие у вас хорошие. Пишите, жду. Кузьминична.

30.07.1992.

Здравствуйте, дорогие мои Валя и Николай Иванович!

Знаете, я долго не отвечала Вам не потому, что о Вас забыла, нет и нет. Я всегда помнила и буду помнить Вас. Вы так много хорошего сделали для меня, а я своими письмами о бедах и напастях, продолжаю Вам надоедать. Основное – нет здоровья. Вот и недавно была у врача. Отсидела в очереди два часа. Слава Богу, первоначальный страшный диагноз не подтвердился, но мне все равно плохо. Выписали опять таблеток на 5 руб., но разве они помогут. Сколько я их уже выпила, а толку… Еще больше переживаний и боли добавляет Игорь, он совсем спился. Лечиться не хочет, да, собственно, и лечение у нас не эффективное. Вот он больше всего меня угробляет. Организм мой изношен до предела и не оказывает никакого сопротивления хворям. Я бы, конечно, могла бы уехать к сестре, но, знаете, не могу решиться на это. Он все в доме пропьет, хотя у меня там и пропивать особенно нечего. Наташа с ним не справится, так как живет отдельно со своей семьей и проблемами.

А у меня опять горе. Умер брат Володя, который жил в Красноярске. У него был инсульт, от него вскоре он и умер. Я, конечно, ревела, но что я еще могла. Денег на поездку нет, да и по времени вряд ли я успела бык похоронам поспеть. Вот и тут судьба со мной жестоко поступила, забросив меня так далеко от родных мест. Осталась у меня теперь только одна старенькая сестра. Она все завет меня к себе в гости, а я ее зову к себе, но обе из-за плохого здоровья боимся дальней и дорогостоящей дороги. Соседи наши по старому дому живут по-разному. Одни, как и я, где придется что-то подрабатывают к пенсии, другие возятся на даче. Виктор Животов работает в городском парке на детских качелях. Но если говорить откровенно, то хуже всех сложилась судьба у меня, я имею в виду в отношении детей, их неустроенности. Кого винить в этом я не знаю, видно уж такова моя линия жизни. Валя, как у вас сейчас, как дети, внуки. Передавай им всем привет. Пиши почаще, я всегда с нетерпением жду писем от Вас. Ваша Кузьминична.

2. ПИСЬМА К МАМЕ В ГРОДНО ОТ РОДСТВЕННИКОВ ИЗ БРЯНСКОЙ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ (РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ)

Эта стопка писем к маме оказалась наиболее значительной по своему объему и содержанию. Это и понятно, так как она была представлена письмами к ней в Гродно от родственников, живущих в Брянской области (папиной сестры тети Оли, маминого брата дяди Жени и тети Вали - жены покойного маминого брата дяди Вити). Было в этой стопке и несколько писем к маме от ее подруги еще с далекой довоенной школьной поры, проживавшей в начале 1990-х годов в Ленинградской области.

Самой старшей по возрасту из участников переписки к этому времени была Ольга Ивановна Зимонина (в девичестве Черепица) – старшая сестра моего/ отца. Родилась она в 1903 году в Гродно в семье составителя поездов станции Гродно Ивана Викентьевича Черепицы и Марии Францевны (Фрицевны) Черепицы (в девичестве Зедлер), работавшей до замужества прислугой в одном из богатых гродненских домов. Была она приемной дочерью русского подданного немца-колониста Фрица Зедлера, проживавшего в селе Грандичи, неподалеку от Гродно. Ее мама, тоже Мария, носившая фамилию первого мужа Северин, став вдовой, вторично вышла замуж за зажиточного немца, и также вдовца, тогда, когда девочке было семь лет. Венчались они в Гродненской лютеранской кирхе. У приемного отца от его первого брака уже было двое малолетних деток. В 1905 году Иван Черепица обвенчался с Марией Зедлер (Сиверовой) в Гродненском Софийском соборе, там же через два года была крещена и маленькая Оля. Затем Ивану, как трудолюбивому и дисциплинированному работнику, начальство предложило более престижное место железнодорожного стрелочника близ станции Белосток.

Здесь вслед за Ольгой появились на свет ее младшие братья и сестры: Александр, Иван, Надежда, Николай (мой будущий отец) и Вера. В Белостоке семью постигла беда. Во время уборки в доме Мария оступилась с подоконника и попала босой ногой в съемную оконную раму, которую ей предстояло помыть. Перевязав тряпицей рану, она спокойно продолжила начатую уборку. Ночью же у не поднялась температура, началось заражение крови, называемое в народе «антонов огонь». В результате чего ей ампутировали ногу, но несмотря на инвалидность Мария успешно справлялась со своими семейными обязанностями: муж и дети были досмотрены и обласканы. Когда началась Первая мировая война железнодорожники из Белостока были эвакуированы на восток. Так Черепицы оказались на Урале, на станции Нижний Тагил. Во время гражданской войны Иван партизанил на

стороне красных. В 1921 году семья решила возвращаться на родину, но из-за нового наступления поляков, ивана направили на Брянщину, сначала на станцию Почеп, а потом Жудилово, где он получил должность путевого обходчика. Только обустроились, тяжело заболел Иван, обострился полученный в партизанах плеврит. Местный фельдшер предлагал везти его на операцию в Унечу или Брянск, но окруженная малыми детьми Мария заявила ему: «Не дам его резать, Бог даст Ваня выдюжит, а нет, то хоть помрет при детях…». В конце 1922 года Ивана Викентьевича Черепицу похоронили на ближайшем кладбище в Староселье.

Тяжело было Марии без Ивана, но ее рано повзрослевшие и дружные дети один за одним становились ее помощниками. И первой из них была Ольга. Она первой пошла работать на станции в Унече, потом стала комсомольским вожаком среди местной молодежи. Замуж она вышла за такого же, как и она, активиста Филиппа Зимонина, ставшего со временем одним из секретарей райкома партии на Смоленщине. Когда началась война их первенец Нинел (если читать сзади наперед, то получается Ленин) был уже подростком. Домашние и друзья звали его Нелик. Своего второго ребенка родители назвали Ларисой. Когда началась война, Зимонин эвакуировал беременную жену с детьми в далекий тыл, в Казахстан. Там у нее родилась двойня – сын Слава и дочь Людмила. Нелик сразу же стал работать механизатором в совхозе, а Лариса пошла в полеводческую бригаду. Как могли, они во всем помогали матери. Когда самые младшие дети слегка подросли, Ольга возглавила одну из совхозных бригад, жили нелегко, тяжело работали и ждали весточек от мужа и отца. Но их не было, и только после войны и возвращения в родные места им стало известно, что командир партизанского отряда Филипп Зимонин геройски погиб в одном из боев с фашистами в мае 1942 года.

С тетей Олей и ее детьми мы, дети, познакомились в конце 50-60-х годов, вовремя наших летних поездок вместе с родителями в Жудилово. Поскольку все мы не могли разместиться в небольшом бабушкином доме, то ночевать мы с Нелей ходили к тете Оле. В доме она стелила спать Неле с Людой, а мы со Славой располагались на сеновале. Позднее познакомились и со старшими своими двоюродными родственниками – Неликом и Ларисой. К этому времени они уже успели обзавестись своими семьями. Первый работал механизатором в колхозе неподалеку от Жудилово, а Лара – текстильщицей в Купавне под Москвой. Впечатления от общения с этими людьми было незабываемым, хотя мы тогда были еще совсем молодыми. Тетя Оля работала Жудилово, растила Людмилу и Славу, а когда у них появились свои семьи, то она переехала к Людмиле, жившей Брянске. Оттуда и шли к нам, папе маме, сначала в Лиду, а

потом и в Гродно, письма от тети Оли. За 1992-1995 годы их сохранилось всего лишь несколько.

22.11.1992.

Здравствуйте, Коля и Валя!

Огромный привет Вам с Брянщины. Письмо Ваше получила, ждала его с нетерпением. Как приносят почту, я всегда ходила смотреть свой почтовый ящик.

Коля и Валя, недавно, 13 ноября, мне исполнилось 85 лет. Отметили дети и внуки этот день хорошо, и много добрых пожеланий было сказано в мой адрес. Все, конечно же, желали мне доброго здоровья, а его уже никакого и нет. Мучает меня больше всего «старческий склероз», болит и сильно кружится голова, а лекарств хороших нет. Между тем стараюсь посильно помогать дочке по дому, иногда хожу в магазин за продуктами.

Перед Вашим письмом получила весточку с Украины от сестры Веры, они с Сергеем тоже болеют. Случилось у них и другое горе. Обе их дочки Тамара и Нина недавно остались вдовами. Тамарин муж недавно умер, а у Нины – 23 сентября, до этого лежал три года парализованный. Сергей и Вера сильно все это переживают. Нелик и Маша живут нормально, но тоже часто побаливают. Я была у них в конце август-начале сентября целых три недели. Помогала им перебирать картошку, чистить фасоль, варить обеды. В хозяйстве дел хватает, были и напасти. У них за август подохли все свиньи, три порядочных и несколько кабанчиков. Тогда в деревне много свиней подохло.

Вообще жизнь наступила тяжелая. Страну Советов развалили, а в новых условиях жизнь стала ужаснее, чем когда-либо была раньше. Сильная дороговизна охватила все товары и продукты, и цены растут почти ежедневно: буханка хлеба – 18 руб., Батон – 25 руб., Масло сливочное – 450 руб. за кг, молоко - 30 руб. литр, коробка спичек – 1 руб. 50 коп. Обувь и одежда по цене стали нам уже недоступными. Живем теперь в сплошных трудностях, а обиднее всего, что после развала Союза, мы живем друг от друга уже как бы за границей. Передавайте привет всем Вашим детям, внукам и правнукам. Целую Вас. Ваша близкая-родная и пока еще живая Ольга.

25.12.1992.

Здравствуйте, Коля и Валя!

Сердечно поздравляем Вас с наступающим 1993 годом. Желаем Вам всего самого хорошего в Новом году, а главное здоровья! Ну, а я уже совсем стала слаба, все мое болит и отказывает, в том числе и зрение. Мы живем

помаленьку, но переживаем, как и все люди, те трудности, которые неожиданно свалились на всех нас. Дороговизна, цены растут каждый день, а потому приходится во многом себе отказывать. Мы теперь живем между собой, что за границей. Все теперь стало непросто, и поехать куда-нибудь к своим родным, как раньше, уже даже и не подумаешь.

Поздравляю с Новым годом Ваших детей, внуков и других родственников. Целую Вас всех крепко. Ольга.

11.04.1993.

Здравствуйте, Коля и Валя!

Так получилось, что нашей внучки Иры муж на днях должен ехать в Гродно, и мы на всякий случай дали ему Ваш адрес. Зовут Сергей, и он возможно зайдет к Вам с другом. Дело в том, что в Гродно они должны встретить брата Сергея, который из Германии в Гродно должен пригнать свою машину, а Сергей с другом погонят ее уже к нам, в Брянск. Вы уж помогите им сориентироваться на месте, так как они в Гродно будут впервые.

Теперь о себе. Стала я в последнее время очень слаба. Все мое болит, старческий склероз, желудок плохо работает, голова кружится. Если и пройдусь когда до магазина, то только с палкой. Живем мы тяжело, кругом огромная дороговизна. Из одежды обуви мои ничего себе не покупают, донашивают то, что было.

Цены на то, что мы можем себе позволить такие: молоко – 70 руб. литр, яйца – 130 руб. десяток, масло сливочное – 917 руб. за кг, картофель – 27 руб. за кг. Вот такая сейчас жизнь настала, и хорошего я уже, наверное, не дождусь. Заводы работают не в полную силу, нет работы. Вася наш работает лишь четыре дня в неделю.

Коля и Валя, когда встретитесь с нашим Сергеем, то расскажите про Вашу нынешнюю жизнь, а он перескажет обо всем этом нам. Извините, что я Вам долго не писала. Все время болею, нет сил, а потому нет и настроения. А Вы пишите. Всегда с нетерпением жду новостей о Вашей жизни.

Привет от нашей семьи всем Вам и всему Вашему роду. Как получу через Сергея новости от Вас, то буду этому рада. Целую Вас. Ваша Ольга.

18.01.1995.

Здравствуйте, Коля, Валя и вся Ваша семья!

Большое спасибо Вам за письмо, за то, что Вы меня не забываете. Я его читала, перечитывала по несколько раз и плакала от радости за Вашу память обо мне. Читая письмо, я все время вспоминала Вас и то, как мы раньше встречались, общались. Ну, а теперь о себе, о нашей жизни. Живем мы сейчас более-менее нормально, Вася и Люда работают, их сын Петя недавно пришел с армии, я получаю пенсию. Но здоровье у меня слабое. Вот пишу, а руки мои дрожат. Я все больше сижу дома, телевизор не смотрю, а радио слушаю. Пишу Вам в очках, но и в них для меня все, как в тумане. Очень я переживаю за то, что мы, хотя и не по своей воле, но тем не менее разъехались по разным странам, и уже не встречаемся.

Летом и в начале осени я езжу к Нелику в Водвинку. Сейчас они тоже живут нормально. Они держат две коровы, молока хватает. Ну, да и семья у него большая. Дети у него все взрослые, и внуки приезжают к ним погостить из разных мест. В Жудилово я не бываю, только проезжаю мимо, когда еду к Нелику до станции Рассуха, а там он меня всегда встречает на своей машине.

Так случилось, что Вы теперь живете на моей родине, где я очень давно увидела свет, но почти все мои дети и внуки родились в России. Вся моя семья передает вам большой привет. Очень прошу пишите мне письма почаще, я очень рада каждому Вашему письму. Нельзя нам терять друг друга, давайте общаться хотя бы письмами. Пишите мне пока я живая. Целую Вас крепко. Ольга.

В конце этого письма тети Оли, имеется приписка, сделанная рукой ее дочери Людмилы:

«Дядя Коля и тетя Валя, здравствуйте. Мама написала Вам письмо, но по его содержанию, повторам одного и того же, вы и сами видите, что она очень слабая, а из-за склероза уже ничего не помнит. Целыми днями спрашивает у нас одно и тоже: какой сегодня день, число и т.д. Плохо видит, на улицу ее одну далеко не пускаю, боюсь, что заблудится. Я сейчас не работаю, в отпуске до 1 февраля. Петя пришел с армии, но еще не работает, ведь почти все заводы в городе стоят, рабочих кругом сокращают. Мне осталось до пенсии 1 год 9 месяцев. Дай Бог, чтобы до этого времени не закрыли наш завод. Зарплаты по 3-4 месяца не дают, так что сводим концы с концами как кому придется. Дочка наша Ирина иногда нам денег побрасывает, не дает «помереть». На этом до свидания. Целуем Вас всех. Людмила».

***

Начиная с 1946 по 1987 год из родной для всей нашей семьи станции Жудилово чаще всего шли письма в Лиду и Гродно от маминой мамы и нашей бабушки Елизаветы Ивановны Шатохиной. После ее кончины эту обязанность взяла на себя жена покойного маминого брата Виктора Валентина Владимировна Шатохина, которую мы с детства звали тетя Валя. До выхода на пенсию она многие годы работала в местном отделении связи, так что с письмами и другими почтовыми отправлениями работать ей приходилось постоянно. Тетя Валя была моложе нашей мамы лет на пять-шесть. Оставшись вдовой, она сумела при помощи свекрови, нашей бабушки Елизаветы Ивановны вырастить и поднять на ноги троих замечательных детей – Владимира, Александра и Любу. В 1990-е годы она жила практически одиноко, но дети, проживавшие со своими семьями в Брянске и Унече, не забывали ее и как могли наездами помогали ей по хозяйству, в посадке и уборке картофеля. Иногда они бывали у нее и по другим причинам, зная, что она поможет, поддержит и подскажет. Свое одиночество она достойно переносила во многом благодаря переписке с нашей мамой.

11.07.1993.

Здравствуйте, дорогие мои Валя, Николай Иванович, дети и внуки Ваши! С большим приветом к Вам Валя. Большое спасибо за письмо.

Валя, у нас цены такие же, наверное, как и у вас. Только у нас сахар по талонам, масло подсолнечное 60 руб., сливочное – 160 руб., водка – 115 руб., буханка хлеба – 30 руб. Беру обычно пять буханок на 30 руб. Я постоянно держу поросенка, курей, и вся моя пенсия уходит на хлеб. К Саше не ездила, и он ничего о своей жизни не хочет писать. Вова полученную квартиру в основном обставил, все необходимое есть, а остальное постепенно будут приобретать. О его сыновьях. Витя сейчас проходит практику, потом будут экзамены, а весной – в армию. Леша закончил 8-й класс и сейчас находится в лагере труда и отдыха. У Любы на заводе ничего пока не строят, все заморожено, нет денег.

Погода у нас стоит хорошая. В этом году затяжных дождей почти не было, картошка растет нормально. Яблок у меня сейчас почти нет, они через год родят, а груша сильная. На грядках все есть: лук, морковь, огурцы, а помидоры неважные, мелкие. Брата твоего Женю давно не видела. Они сейчас больше на даче живут. Он еще в придачу и участок земли себе взял за Брянском, надо ездить его обрабатывать. Вова мой тоже взял себе 10 соток, посадили картошку. А Любина дача в Комаричах, по выходным туда ездят. Все поддержка семьям, а в городе в магазинах из-за дороговизны всего не накупишься. Билет до Брянска к Вове и Любе, туда и обратно – 31 руб., а до

Унечи к Саше – 9 руб. 20 коп, лишний раз не поедешь. Я раньше в Унечу за хлебом ездила, а сейчас туда накладно стало ездить. Нынче у нас в магазине хлеб лежит, не разбирают, как раньше, стали меньше брать, поскольку значительно подорожал. Новостей особенных в Жудилово нет. Целую Вас и детей Ваших. Привет от брянцев.

Да, Валя, вспомнила. Завтра Петров день, а ты – именинница. Поздравляю тебя с днем рождения. Желаю здоровья, долгих лет жизни и всего самого доброго. Валя.

21.03.1994.

Здравствуйте, мои дорогие Валя, Николай Иванович, а также дети и внуки Ваши! Большое спасибо за письмо.

Живу помаленьку, хвалиться нечем. Сейчас жизнь очень трудная, что в России, что в Белоруссии. У нас хлеб черный – 180 руб., сахар 700-800 руб. за кг, мясо, я не знаю почем, так как в Унече не езжу. Сейчас билет до Унечи стоит 30 руб., а до Брянска – 1400 руб. На базаре из тряпок сейчас все можно купить, спекулянты привозят их с Украины и Белоруссии, но все дорого. Я ничего не покупаю, донашиваю что есть.

Дети живут тоже помаленьку. Вова перешел на работу в депо, как получил работу, так и бросил стройку. На стройке работы сейчас почти нет. Его жена Тоня на своем заводе получает мало, нет сырья, а на новом месте негде, везде сокращение, безработица. Люба живет хорошо, пока дети малые и расходы меньше. Костик ходит в 3-й класс, а Катюша еще в садик, но осенью пойдет в школу. Саша живет плохо, с женой развелся, оставил ей квартиру и приехал жить ко мне с женщиной, у которой дочка ходит в 9-й класс. На работу его нигде не берут, в Унече везде сокращение, и устроился он у нас в колхозной мастерской заправлять аккумуляторы, а она пошла работать дояркой на ферму. Зарплата же в колхозе малая, да и задерживают ее по 2-3 месяца. Я помочь им ничем не могу, так как вся моя пенсия уходит на домашнее хозяйства. Держу поросенка, десяток курей. Каждый день хлеба беру 5 буханок на 900 руб., а пенсия у меня 45000. В ноябре поросенка зарезала, разделила на четыре части, мне и всем детям по ноге. Рада, что недавно Саше выделили домик на три комнаты, что в 12 км от меня в поселке для переселенцев-чернобыльцев. У него имелось удостоверение ликвидатора аварии, вот ему жилье и дали. Все бы было хорошо, но девчонка не хочет жить в деревне, собирается закончить школу и уехать к родственникам в Винницу. Как поведет себя тогда его новая жена я не знаю. В общем хорошего у Саши мало. На этом у меня пока все. Привет Вашим от моих детей и внуков. Будьте

здоровы и счастливы. Теперь, наверное, мы уже не увидимся. Целую всех. Валя.

18.01.1995.

Здравствуйте, мои дорогие Валя, Николай Иванович, а также дети и внуки Ваши! С большим приветом к Вам Валя. Большое спасибо за письмо, спасибо, что не забываете.

Живу одна помаленьку. Плохо то, что в этом году не достала топлива, негде было купить. Топлю чем придется только кухню. Держу, как и прежде одного поросенка и десяток курей. Все дорого, а пенсия у меня малая, ее еле-еле хватает на пропитание. С одежды и обуви ничего не покупаю, все донашиваю старое.

Дети и внуки живут тоже помаленьку. Витя Вовы уже отслужил армии, перед Новым годом вернулся домой. Пока нигде не работает, трудно устроиться, везде безработица. Алеша учится в музыкальном училище. Любины дети ходят в школу, живут хорошо. Саша живет бедно. Колхозы разваливаются, зарплаты слабые, да и те по три месяца не выдают. Ольга Ивановна в Жудилово уже не ездит и не пишет никому. Женю вижу очень редко. Он сейчас не работает, держит в гараже свиней, кормить их сейчас его работа. Валя пока работает. У нас сейчас много людей умирает молодых и старых. В сентябре я похоронила свою сестру Надю. После операции на рак желудка она пожила всего полгода. Умер и Миша Харчев. Привет Вам большой от моих детей и внуков. Целую всех Вас. Валя.

27.01.1996.

Здравствуйте, моя дорогие Валя, а также дети и внуки твои.

Валя, я недавно узнала о твоем горе, что ты похоронила своего Колю. Я очень соболезную тебе и жалею его. Он был добрый человек, муж и отец своим детям. Узнала я твоей беде так. Женя пришел к Вове и рассказал об этом, а от него и я услышала эту печальную весть, когда он недавно проведывал меня. А вообще я в Брянске давно не была, да и дети ко мне стали реже ездить. Очень подорожали железнодорожные билеты, чтобы доехать от Жудилово до Брянска надо 12 тысяч заплатить. Жизнь в целом становится невыносимой. Валюша, я хорошо представляю, как теперь тебе плохо и грустно. По себе знаю, что такое одиночество. Особенно печально и то, что мы теперь вряд ли уже когда-нибудь сможем повидаться.

Дети мои живут помаленьку, крутятся кто как может. Всем сейчас трудно и в городе, и на селе. Саша живет плохо. Дом ему дали из трех комнат, а в них пусто, чтобы мебель купить нужны миллионы, а они с женой получают в колхозе копейки, да и те по пять месяцев не платят. Жалко мне их стало, и я отдала им свой диван, кресло, два стула, тумбочку, старую койку, посуду. Приходит он ко мне часто, а пенсия у меня малая, только на хлеб и сахар остается, да поросенку мешок муки купить. Душа болит, что ничем ему больше помочь не могу.

А еще мучает меня то, что негде достать топлива. С осени немного дров купила, вот и топлю только одну кухню, в хате прохладно. Вечера большие, не знаю куда себя девать. Из своих я одна уже осталась в Жудилово. Сестра моя Люба тоже похоронила своего мужа. 3 мая, на Радоницу, пошли они с детьми на кладбище помянуть родичей. Потом пришли домой, утром Люба стала его будить, а он уже мертвый, кровоизлияние произошло ночью во сне. Долго значит не мучился, а было ему всего 67 лет. Надо бы еще и пожить, но тут уж, кому сколько на роду написано - сколько пожить и как умереть.

Может тебе и писал Женя, что в Погаре умерла тетя Оля, и Алка их умерла. Ольга Ивановна Зимонина осенью еще жива была, к Нелику ездила в Водвинку, а жива ли сейчас не знаю. Валя, а жива ли еще Юлия Лукинична в Барановичах? В Жудилово много умирает людей, в основном от рака и инсульта. У Саши здоровье плохое, надо бы поехать в санаторий полечиться, а денег на это нет.

Дорогая Валюша, крепись. Все будем там только не в один день. Привет всем твоим детям от нас всех. Валя.

01.07.1998.

Дорогая Валя, детки и внуки твои, здравствуйте!

С большим приветом и наилучшими пожеланиями Вам всем. Валя, хочу сообщить тебе о своем горе. 26 июня погиб мой Саша. В тот день из Задубенья он шел ко мне пешком. Половину дороги прошел, а потом проголосовал и подсел в попутную легковую машину. Поехали, но не доезжая колхозного двора, машина на скорости влетела в кювет. Водитель машины остался жив, а Саша разбился насмерть. Из морга в Унече я его забирала, и похороны организовывала сама. Одевали и обували его в последний путь Вова, тоня и Люба. Вот такое горе свалилось на мои плечи. На похороны приезжали еще из Брянска Женечка с мужем. А брат твой, Валя, Женя заболел и лежит с желудком в больнице, а его Валя пока работает.

2 августа будем делать по Саше 40 дней, если позволяет здоровье, приезжай. Не обижайся, что так плохо и мало пишу. От горя голова моя ничего не соображает, что писать. До свидания, целую всех Вас. Валя.

15.08.1998.

Здравствуйте, дорогие Валя, а также дети и внуки твои! С большим приветом к Вам Валя. Письмо твое получила перед поминками. Все дети его читали. Очень жаль, что ты из-за нездоровья не можешь к нам приехать. Брат твой Женя лежит в областной больнице, его готовят к операции. Валя его крутится одна, плачет, что тяжело одной без мужа.

Сашу похоронили в Староселье рядом с отцом. Вова и Люба заказали и установили к сорока дням хороший временный памятник. Жена Сашина пока живет в Задубенье, на похоронах она была и на сорок дней приходила. Ей тоже сейчас плохо одной без мужа. И я никак не могу привыкнуть, что Саши нет. Все жду, что придет, и сердце обрывается от одной мысли, что больше его я никогда не увижу. Очень трудно длинными вечерами и ночами, никак не спится, и я все перебираю в памяти и плохое, и хорошее в его жизни. Других особенных новостей в Жудилово нет. Целую всех Вас. Валя.

20.01.1999.

Здравствуйте, мои дорогие Валя, дети, внуки и правнуки!

Валя, письмо твое получила, большое спасибо. Вчера ездила на похороны твоего брата Жени. Бледный, так выболел, что не похож сам на себя. Похоронили его хорошо, с музыкой, завозили для отпевания в церковь, все сделали, как положено и похоронили его рядом с тещей. На заводе, где Женя работал, сделали гроб, памятник, дали машину и автобус. Мужиков много было с его работы, и на поминках их было много, сажали их в два раза, так как сразу не могли всех разместить.

Я живу помаленьку, здоровье плохое, годы свое берут, да и жизнь стала тяжелой. У нас цены поднялись на все продукты. Детям в Брянске тоже нелегко, но я им ничем помочь не могу. Я в этом году даже поросенка не резала. Прирезала его за неделю до смерти Саши, только разделила на всех, а тут похороны, и все пошло. Сейчас сама покупаю сало на базаре по 30 руб. за кг, иногда беру и мясо. На похоронах Жени были и наши родственники с Погара. У них там тоже много всяких бед, и у каждой семьи свое горе. Моя невестка после сорока дней по Саше, у меня ни разу не показывалась. А сейчас, приняла к себе молодого парня на квартиру, а люди говорят, что уже живет с

ним. Но я ее не осуждаю, пусть живет, так как в деревне без мужика трудно прожить. На Украину, как видно, ехать пока не собирается.

Дорогая Валя, знаю, как тебе сейчас тяжело без Коли, но ты все равно счастлива от того, что рядом с тобой дети, внуки, а они, то позвонят, то проведают. А у нас по соседству умерла недавно женщина, мать Петруся, если его помнишь. Так вот, она лежала мертвой больше недели, пока ни приехали сын с невесткой. Когда те вошли в дом, то увидели, что у нее крысы все лицо объели. Так с закрытым лицом ее и хоронили, ужас один. Вот, дорогая моя Валюша, до какой степени страшно человеку жить одному. Передавай привет всем своим от нас. Валя.

19.05.1999.

Здравствуйте, мои дорогие Валя, дети и внуки твои!

Валя, извини, что долго не писала. Все были дела по хозяйству. Недавно только с огородом управилась, посадила грядки, картошку. Столько было с этим хлопот, а на днях прошел проливной дождь, целые сутки шел, и весь мой огород затопил. Теперь переживаю, чтобы не погнила картошка.

Здоровья нет, очень болят ноги, до почты с большим трудом дохожу. В Брянске от похорон Жени не была. У него болели почки, и умер он дома голодной смертью. Так выболел, что был похож на 90-летнего старца. Дети приезжали ко мне на 9 мая помогать сажать картошку. На Пасху они были на кладбище у Жени. На Радоницу Вова и Люба приезжали в Жудилово, ходили в Староселье помянуть всех упокоившихся наших родичей. Валя Женина пока работает. А Люба моя сейчас безработная. Пришел новый начальник, поставил компьютеры и своих людей, мафию свою, а их бухгалтерию разогнал, стоит сейчас на очереди на бирже занятости. Трудно Любе сейчас. Дети ее учатся в школе.

Вовин Леша учится заочно в Орле и работает с детьми в школе по музыке. Зарплата малая, подрабатывает по праздникам и воскресениям в церковном хоре, где хористам платят по 25 руб., а на Пасху заплатили им по 100 руб., и еще было им приготовлено праздничное угощение. Старший внук Витя с женой не живет, ходит без работы, парень непутевый.

Цены у нас стали невыносимыми, растут каждый день, а зарплаты и пенсии не добавляют, а еще постоянно задерживают их выплаты. Валя, ты пишешь, чтобы я купила квартирку в Брянске и переехала поближе к детям. Может быть это и было бы хорошо, но для этого нужно продать пять таких домов, как мой. Так что буду умирать в своей хате, и ехать отсюда не

собираюсь. Больше новостей нет. Привет Вам от моих детей. Крепко целую Вас всех. Валя.

20.07.1999.

Здравствуйте, мои дорогие Валя, дети и внуки твои! Письмо твое получила, большое тебе спасибо за него.

Валя, ты пишешь за Женю, что он был хороший человек и семьянин. Я с этим полностью согласна, но его Валя сколько с ним жила, столько его и пилила то за то, что иногда выпьет, а то и просто ни за что. А он все время работал, и на работе был в передовиках, все время был на заводской доске почета, дачу обрабатывал, в гараже свиней выкармливал. А она все командовала, и все ей было мало. Сейчас же она хочет командовать и мужем Женечки, но тот не поддается, и они уже не разговаривают друг с другом.

У нас в этом году лето сухое. За два месяца прошел лишь один дождь 18 июля. На грядках ничего не растет, картошку объедают колорады, н нет от них никакого спасения, ни одна отрава их не берет. Картошки в этом году не будет. В колхозах по Брянской области от жары все зерновые погорели. Год будет трудным. В магазинах люди разобрали все макароны, крупу, хлеб и сахар уже подорожали.

Годовшину по смерти Саши делала сама, собралось 20 человек. Так случилось, что в этот день у нас были похороны двух ребят, которые разбились на мотоцикле. Один из парней Шуры Харчевой внук, а другой – сын Кати Дьяковой. Хоронили их вместе, гробы несли на руках их друзья-товарищи. День был жарким, народу было много, служил священник, играла музыка. Мы с Любой тоже ходили на кладбище. Люба моя пока без работы, Тоня устроилась уборщицей в райисполкоме: вечером уберет, день дома.

Ну, а теперь наши новости. Маша Горбатая- дочка тети Насти, умерла. Умерла и жена Ивана Нинка от рака печени. Похоронили ее в Брянске, где живут их дети. Остался один Иван, но он тоже больной, но оставлять его одного нельзя, все забывает. Пока дети живут с ним по очереди, а что будет дальше с ним неизвестно. Умер от рака горла и Володя Сафонов. У меня здоровья нет, сильно болят ноги. Вова ко мне ездит часто, у него бесплатный билет. Люба ездит реже, так как билеты дорогие. Всем трудно стало сейчас жить.

А ты, Валя - счастливая, что переехала их Лиды в Гродно. Дети рядом, телефон свой, позвонишь им, как плохо станет, все нужное рядом. А я сейчас одна в Жудилово, совсем безродная, помру и буду лежать, дожидаться когда

кто-нибудь придет, приедет. Пока до свидания. Привет Вам от детей Вовы и Любы. Целую всех. Валя.

23.06.2000.

Дорогие мои Валя и Неля, здравствуйте!

Большое спасибо Вам за письмо. Извините, что с ответом задержалась. Живу я помаленьку, здоровье плохое, ноги болят. На Троицу приезжала Люба с детьми, ходили с ними на кладбище. Катя останется у меня на лето, а Костя хочет в Брянске найти на время каникул какую-либо работу, чтобы заработать себе на обувь. Любе трудно детей одеть, обуть, так как зарплаты на все не хватает. У Вовы все нормально, работают все. А у нас на станции сплошной мор. Соседка Марьяна легла спать и не проснулась. Умер Иван Латышев с Борщова. Зина Безбожная умерла. На похороны приезжал Нелик с женой Марусей, оба очень постарели, поседели. Я сразу их и не узнала, да и он меня не сразу узнал. Одним словом, вся моя родня ушла в мир иной, я одна сейчас осталась в Жудилово.

Очень хочется повидаться с тобой, Валя, поговорить, в письме не опишешь всего. На Радуницу приезжали дети, внуки, ходили на кладбище. Народу там было очень много. 9 мая, на День Победы и на Пасху Вова ходил на могилу дяди Жени. Посидел у нее один, пока никого еще не было. Вот такие наши новости. Пиши мне, Валя, не забывай. Целую Вас всех. Валя.

* * *

Не очень часто, но все же писал в Гродно мамин младший брат Евгений Иванович Шатохин. Дядя Женя всю жизнь работал токарем на одном из крупных заводов г. Брянска. Был он передовиком производства, его портрет постоянно находился на Доске почета, был неоднократно награждаем за свое мастерство орденами и медалями. Он неоднократно бывал у нас в Лиде, и мы иногда бывали у него в Брянске, но чаще всего мы встречались в Жудилово, где собирались все Шатохины под крышей старенького родного дома. У него с супругой тетей Валей была дочь, которую, как и отца, звали Женя. Сам дядя Женя, несмотря на внешнюю суровость, худобу и сутулость от многолетнего стояния за станком, был человеком исключительно внимательным и добрым. В мамином пакете сохранилось всего лишь три его письма за 1993-1995-е годы. Четвертое о его болезни и кончине в начале 1999 года было написано в Гродно его дочерью и моей двоюродной сестрой Евгенией.

20.02.1993.

Здравствуйте, дорогие Валя и Коля!

Письмо ваше получил, за что большое спасибо. Живем мы с Валей по-прежнему, все время в заботах. Пока оба работаем, хотя уже давно на пенсии. Я на заводе на станке, а Валя там же, на пищеблоке, в больнице. Я думал, что как выйду на пенсию, то отдыхать буду, но это никак не получается. Тут и дача, и машина (ей уже 14 лет), да еще в гараже держим двух поросят. Все это требует времени и труда. Пенсия у меня 3 тысячи и зарабатываю 10 тысяч, а у Вали соответственно - 2,5 и 4 тысячи. Если не работать, то на этой пенсии пойдешь по миру с протянутой рукой. Все дорого: кг колбасы в среднем стоит 57о руб., масла - 500 руб., буханка хлеба – 19 руб. Короче, за что не возьмись, все дорого. Потому и держим поросят, чтобы детям помочь. Женя и муж ее работают, а Лена и Маша учатся.

Я чувствую ничего, хотя недавно и переболел пневмонией. Валя все время болеет: то у нее сердце, то печень, а сейчас что-то с желудком. У Вовы все хорошо, получил 3-х комнатную квартиру возле вокзала. Саша живет в Жудилове, в Унече с первой женой развелся, причин не знаю. Люба живет там же, у нее двое детей, живут ничего, муж хороший.

Валя, ты вот говоришь, приезжай в гости к нам, а я бы и рад, хочется побыть у вас, повидаться со всеми, но нет никакой возможности. А теперь вообще сделали так, что живем мы в разных государствах, если и захочешь приехать, то и не знаешь, как. Вот такие дела мои дорогие. Пишите, как вы все там живете. Целуем, желаем крепкого здоровья. Женя, Валя.

16.03.1995.

Здравствуйте, дорогие Валя и Коля.

1 марта получил ваше письмо, чему был очень рад. И вот пишу ответ. Живем по-старому, Валя еще работает, пока не увольняют. А работает она только из-за отходов, которые нужны для прокорма поросят. Здоровья же у нее совсем нет. Говорю ей, чтобы бросала эту работу, а она в ответ – нам вдвоем из того, что мы имеем, наверно и хватит, с голоду не пропадем, но нужно и детям чем- то помочь. И то правда. Я с мая 1994 не работаю, на заводе прошло сокращение всех пенсионеров. Сейчас пенсия у меня -180 тысяч, у Вали - –60, продукты у нас я не знаю против ваших дороже или дешевле. Колбаса самая дешевая – 11-12 тысяч, мясо – 8-10 тысяч, батон – 720 руб., хлеб черный – 700-800 руб. в зависимости от сорта.

Мне уже 66-ой год пошел, самому не верится. Чувствую я себя пока ничего, бегаю как молодой, только подошвы ног болят, видно отложение солей, но пока обхожусь без врачей. Женя с нашей помощью живет ничего, работает замдиректора в школе юных натуралистов, получает 300 тысяч рублей. Ее муж Саша, как инвалид 2-ой группы, получает 150 тысяч, и работает там же, за что имеет еще 100 тысяч. Две внучки учатся6 одна в школе, другая в институте. Одним словом, пока живут неплохо. Мои племянники Вова и Люба с семьями живут тоже ничего. Правда, я их вижу редко. То мне некогда, то они на работе, но все е иногда встречаемся.

Валя, я. конечно, был бы рад приехать повидаться к вам в Гродно, но на это мне и двух пенсий не хватит. Давай будем пока переписываться, а там будет видно. Желаю Вам всего наилучшего, а главное побольше пожить. Большой привет передавайте всем своим детям и внукам. Целуем крепко. Женя и Валя.

18.10.1995.

Здравствуй, дорогая сестра Валя.

Я очень соболезную тебе и всем вашим детям и внукам по поводу смерти Коли. Но что поделаешь, такова жизнь наша человеческая – жить и умирать, так что ты крепись, Валя. Я очень жалею, что не смог приехать. Вконец замучили меня все эти свиньи и огороды. Я бы все это уже бросил, но Валя никаким моим уговорам не поддается, хотя и сама живет все время на таблетках. Я и сам начал что-то сдавать на ноги. Дети и племянники живут в целом нормально. Извини, Валя, но я совсем уже разучился писать письма. Теперь тебе без Коли, конечно, трудно, но сколько не переживай, ты его уже не вернешь, так что побереги себя. Убиваться все время тебе нельзя. Ну вот и все, желаю тебе здоровья и побольше пожить. Передавай привет большой Нэле, Валере, Гале и всем, кто меня знает. До свидания. Целуем всех вас. Женя, Валя.

* * *

В мамином домашнем архиве сохранилось и три весточки от ее школьной подруги Тамары Владимировны Левша из г. Всеволожска Ленинградской области Российской Федерации. К сожалению, о ней мне мало, что известно. Помню, что по просьбе мамы летом 1969 года сын Тамары Владимировны Олег вызвался быть нашим экскурсоводом в ходе нашей с Галей поездки в Ленинград. Он был на пару лет моложе меня, но производил впечатление очень толкового и порядочного человека. Какое-то время мы с

ним даже переписывались. Что касается переписки наших мам в начале 1990-х годов, то она несет в себе также определенную информацию из повседневной летописи тех лет.

20.2.1992.

Дорогая и любимая моя, Валентина Ивановна! Горячо и сердечно поздравляю тебя с наступающим Новым годом и Рождеством Христовым. Пусть он принесет тебе все доброе и желаемое для жизни, а больше всего крепкого здоровья.

Валечка дорогая, так хотелось бы с тобой увидеться, хотя бы словечком поделиться, голос твой услышать, так как приехать друг к другу нам уже не позволит здоровье. А живу я просто и обыкновенно. Почти все время нахожусь дома6 готовлю обед, убираю, стираю, шью. Годить по городу далеко не могу. Бывает плохо с сердцем, недавно только мне закончили давать лечебные уколы. Немного стало лучше, но ходить как раньше уже не получается. Высылаю тебе номер своего телефоны. Благодаря ему только и общаюсь с родными людьми. Недавно звонила дочка из Херсона, слышно все хорошо. Рассказала о том как живет вся их семья. В семейном отношении у них все нормально, работают, учатся. Вчера приходил Олег, вставил второй замок в дверь. Дочка у него учится в 10 классе, девочка способная. В семейном отношении тоже живут слажено.

А вот у Вити моего не все получается. Работает в своем объединении уже десятый год, а недавно пришел с работы и говорит, что он попадает под сокращение. Из его цеха увольняют 12 человек. Они написали письма в профсоюз и генеральному директору, а что будет из этого ничего не знают, не знают, как жить без работы. Семейная жизнь тоже у Вити не ладится. Вот такая я, Валечка, обиженная по жизни. Не повезло с мужем, рано умер, был человек хороший, а с детьми беда. Витя мне иногда говорит, что не везет ему в жизни, не уберегли мы его в детстве от несчастного случая. После этого слезы льем оба. Парень он неплохой, работает, не пьет, не курит, семейно думаю будет жить не хуже, чем другие мои дети, но вот нет пока у него подходящей подруги по жизни.

Вот пишу я тебе, а ощущение такое будто мы с тобой сейчас вместе, как было когда-то. Тебе я могу все рассказать, ведь знаем мы друг друга с детства, и до сих пор остались верными нашей дружбе. А теперь о материальном. В магазинах у нас все можно купить, но цены на все очень кусаются: хлеб - 37 руб., батон – 27 руб., картошка кг – 32 руб., мука – 62 руб., масло сливочное – 500 руб., мясо свинина – 300 руб., говядина – 260 руб., мука

- 62 руб., яблоки – 80 руб., яйцо десяток – 90руб. и т.д. Вот так у нас теперь, а как у вас жизнь? Пиши. До свидания. Крепко обнимаю и целую. Тамара.

15.01.1994.

Дорогие Валентина Ивановна, Николай Иванович, Ваши дети и внуки! Поздравляем Вас с Новым 1994 годом Рождеством! Желаем крепкого здоровья, счастья, бодрости и благополучия. Валечка, как здоровье, как поживаете Вы сейчас в Ваших краях. У нас в настоящее время стало получше с продуктами. Цены пока высокие, но купить все можно. Много стало всяких ларьков, привозных машин из Прибалтики и Финляндии. Приезжают, продают рыбу, масло, сыры и другие продукты. Много и промтоваров заграничных, но все дорогое – тысячи, тысячи. Валя, как живут твои дети? Пиши, моя дорогая и незабываемая на всю жизнь. До свидания. Целую –Тамара.

19.12.94.

Здравствуйте, многоуважаемые Валентина Ивановна, Николай Иванович и Ваше семейство – дети, внуки и правнуки! От всего сердца поздравляем Вас с Новым 1995 годом, праздниками Рождества и Крещения Господня! Желаю всего самого лучшего – здоровья, радости, удачи, исполнения желаний!

Дорогая моя, любимая Валечка, как бы мне хотелось с тобой сейчас повидаться и поговорить. Часто смотрю на Ваши семейные фотографии, которые есть у нас, а также на ту, которая хранит память о Погаре, где мы вдвоем. Смотрю на нее и слеза катятся, годы унося нашу молодость и красоту, а добрые, светлые чувства друг к другу унести не могут. Время сейчас смутное, радоваться нечему, но жить все равно хочется. Обидно только, что страну разорвали по частям, и людям многим жизнь поломали. Взять твою Галю в Бишкеке, конечно ей было бы лучше жить поближе к своим родным людям. А попробуй перебраться обратно домой, причем, в молодые годы она туда перебралась выйдя замуж за человека, который после вуза был направлен туда на работы. Оба там честно трудились, растили детей, обзавелись всем необходимым, а сейчас бросай все привычное, нажитое за многие годы, и переезжай туда, где нужно все начинать с нуля. И таких обездоленных людей у нас не счесть. К нам многие люди перебираются с Прибалтики и с других мест былого Союза. И я вижу и знаю, как им нелегко.

Моя дочка, как и твоя Галя, тоже оказалась за границей, живет на Украине в Херсонской области. Трудно им теперь стало жить материально, хотя и имеют небольшое домашнее хозяйство, огород, куры, утки, кролики.

Дочка ее, моя внучка, учится в Одессе в Академии связи. Учится хорошо, но жить ей как студентке нелегко, пишет родителям, что в Одессе трудно с продуктами, все дорого. Конечно, родители помогают ей тем, чем могут. Сын дочки в 9-ом классе учится. У моего Олега одна дочка, учится в Петербурге в университете на переводчика. В семейном отношении живут дружно, а вот с работой в последнее время появились трудности. Олег работал в конструкторском бюро, а теперь перешел на другое место. Его половина работает в институте, но теперь и ей предложили работу только на полставки.

Витя мой сейчас не работает. Живем вдвоем, вторую половину себе пока не нашел. Со здоровьем у меня неважно, нахожусь на инвалидности, группа 1. Работаю только потихоньку по дому. Пиши, моя любимая, покуда живу буду ждать весточки от Вас. Крепко обнимаю и целую. Тамара и дети.

3.ПИСЬМА К МАМЕ И ПАПЕ В ГРОДНО ОТ РОДСТВЕННИКОВ ИЗ ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛАСТИ (РЕСПУБЛИКА УКРАИНА)

Из села Сядрино Корюковского района Черниговской области Украины шли письма в Гродно, правда, на имя моего отца (при всем том, что ответы на них давала все равно мама), от младшей его сестры Веры Ивановны Радченко (в девичестве Черепица). Ее муж перед войной был директором школы в Староселье, где в свое время учились наши будущие родители. Дядя Сергей и тетя Вера были именно теми людьми, которые обратили внимание пришедшего с армии Николая на свою быстро повзрослевшую соседскую девчонку Валю. Еще с детских лет, с первой поездки к семейству Радченко в гости, мне запомнилось доброта и радушие хозяев, их запоминающиеся образы. Тетя Вера была очень миловидной женщиной, впрочем, как и все папины сестры, а дядя Сергей своей внешностью напоминал киногероев из числа советских партийно-хозяйственных деятелей предвоенной поры: солидный, красивый и с усами под Ворошилова и орденскими планками на пиджаке. Глава семейства воевал, а после войны ряд лет был председателем колхоза, парторгом там же, а тетя Вера была ему надежной помощницей во всех домашних делах. Растила детей Нину, Владимира и Тамару, с которыми мы виделись лишь в далекие 1950-е годы. В домашнем архиве мамы сохранилось семь коротеньких писем тети Веры за 1990-е годы.

27.05.1990.

Здравствуйте, дорогие наши, Валя, Коля и все Ваши дети и внуки.

Письмо Ваше получили, большое спасибо, что не забываете нас. Мы живем по-прежнему, но здоровье неважное. Да, и жизнь сейчас очень трудная. Погода холодная, и каждый день идет дождь. Дети наши живут нормально, но жаль только, что далеко от нас, и уже лет пять, как не были в родительском доме. Понять их можно, семья, дети, работа, учеба. К Сергею недавно приезжал из райкома представитель и корреспондент из Чернигова. Вручали ему значок 50 лет в партии. По нашему сельсовету ему одному дали такой значок, а потом про него напечатали и в газету, которую Вам высылаем. От Оли давно писем нет. Очень хочется повидаться со всеми Вами. Целуем крепко и много раз. Вера и Сергей.

23.12.1991.

Здравствуйте, дорогие Валя, Коля, а также Ваши дети и внуки. Поздравляем Вас с наступающим Новым годом. Желаем всем хорошего здоровья, успехов в труде и личной жизни. Мы живем по-прежнему, здоровье у обоих очень плохое, но пока еще живем. У нашей Нины беда, недавно умер муж, и сейчас она уже вдова. Тамара и Володя живу пока нормально.

У нас в магазинах все очень дорого. Все выражается в тысячах. Погода у нас сейчас холодноватая, но без снега. Топливо у нас есть, так что дома тепло. Автобусы к нам сейчас не ходят, нет бензина. Занимаюсь работой по дому и хозяйству. Хожу по двору с палочкой, но хожу. Больше новостей нет. Извините, что плохо пишу, руки от болезни дрожат. До свидания. Сергей и Вера.

17.03.1992.

Здравствуйте, дорогие наши.

Мы пока живы, но здоровье у нас неважное, иногда забываешь какой сегодня день. А еще с Сергеем приключилась беда. Он упал с крыльца и ударил ту ногу, что была у него ранена. И вот уже три месяца лежит дома. Я довольна уже тем, что неделю то назад он стал на двух костылях уже по комнате ходить. Жизнь у нас совсем тяжелая. Раньше хотя бы инвалидам да диабетикам лекарства льготно давали, а теперь ничего нет, а если и есть, то очень дорого. Вот уже четыре месяца, как нет в продаже спичек, а вчера стали давать по списку.

А вообще за деньги у нас почти ничего не дают – все только по купонам. Я получила 442 купона, Сергей – 500. Что за них можно взять в нашем сельмаге: пододеяльник -500 куп., тапки женские -15 куп., носки мужские – 71 куп., мыло хозяйственное – 2 купона с половиной. Хлеб у нас лежит все время – черный по два купона, а батон – за три. Есть и конфеты не очень дорогие, но вообще все дорого, а жить как-то надо и ждать лучшего.

И дети наши пишут, что трудно стала жить с хозяйства. Я сама держу около 20 курей, половину из них будем резать, а яиц нам хватает. Автобусы к нам не ходят, да и машины очень редко, так как нет бензина. Радио у нас редко когда говорит по-русски, все больше – по-украински, а слушать-то ничего хорошего нет. Всех Вас обнимаем и целуем. Ваши Вера и Сергей.

02.05.1993.

Здравствуйте, наши дорогие Валя, Коля и все Ваши дети и внуки. Мы пока живы, и Вам желаем отличного здоровья, много счастья и всего наилучшего в жизни.

Валечка, письмо от Вас получила. Из него я узнала про Вашу жизнь и жизнь Ваших детей и внуков. Прости, что ответила не сразу. Мои дети и внуки живут в Москве и Новосибирске. Живут по-разному, как у кого складывается, работают, учатся. У Тамары, как я уже писала, умер муж, а у Нины муж уже три года лежит парализованным. Дети у них взрослые, есть и внуки, и все требуют заботы и внимания. У сына Володи в семье все вроде нормально.

Я же живу в больших переживаниях за своего Сергея. Сейчас он передвигается на костылях и уже выходит из дома во двор, посидеть на лавочке. За пять месяцев его болезни и лежания я сполна хватила горя. Хозяйство у нас малое, но требует забот. Огород в семь соток у нас рядом с домом, его вспахал мне наш сосед, а картошку сама посадила под лопату, тут же разбила грядки под овощи. Сил нет, устала, еле хожу. Жить неохота. Вот такая наша с Сергеем жизнь. В сельмаге пусто, а что есть, то все очень дорого. За деньги ничего не дают, все за купоны, а их мало. Но как-то жить надо. Ну, вот кажется обо всем и написала. Можно было бы много больше написать, но нет сил. Валечка, передавай привет всем, кто знает нас. Крепко и много раз целуем всех Вас. Ждем ответа. Вера и Сергей.

02.02.1994.

Здравствуйте, мои дорогие, брат Коля, Валя и все Ваши дети и внуки.

Плохая жизнь сейчас настала, мы почти перестали переписываться, а потому ничего не знаем о жизни друг у друга. Я живу теперь одна. У меня большое горе. Утром 19 декабря, в воскресенье, умер мой Сергей. Он болел и лежал дома. Чувствуя, как силы уходят, он попросил меня дать телеграммы, чтобы попрощаться сестра Шуре в Москву и детям в Новосибирск. Все быстро прилетели и приехали. Шура, как врач привезла всяких лекарств и уколов, но ничего не помогало, него была тяжелая астма сердца. После их приезда он еще три дня жил и узнавал всех нас, и мы три ночи не спали, сидели около него. Ему было очень тяжело. Утром, около шести часов, он посмотрел на нас и заплакал. Володя стал целовать и успокаивать его, после чего он четыре раза вздохнул, и сердце его перестало биться. Так Сергей ушел от нас, и я осталась совсем одна. Каждый день хожу к нему на могилку, плачу, а он мне ничего не говорит. Дети побыли у меня три дня и уехали. Они хотели меня сразу с собой забрать. Но у меня хозяйство – поросенок, куры и картошки в подвале много,

в этом году урожай на картошку был. И я решила, что поеду в Новосибирск в мае будущего года. На том и порешили.

У нас на Украине сейчас жить нелегко. Скучно, спасу нет, все кругом чужие. Дороговизна страшная. Пенсия у меня 148 тысяч. Буханка хлеба – 1870. батон – 1920, сахар за кг – 15000, кг масла сливочного – 69000, бутылка водки – 58000. Пишите о себе. Целую Вас всех. Одна Вера.

05.10.1994.

Здравствуйте, дорогие мои – брат Коля. Валя и все Ваши дети и внуки.

Простите меня, что я так долго Вам не писала. Дело в том, что я живу сейчас у сына Володи в Новосибирске. Квартира у него хорошая, есть машина и большая двухэтажная дача в 18-ти км от города. Земли - 15 соток, есть яблоньки ранние и поздние, облепиха, малина, смородина и клубника. Сейчас в огороде почти все убрали. Володя и его жена Люда работают, их дети – Таня работает, Алеша учится на юриста. А я дома одна. Скучаю по Сергею, и часто его вижу во сне.

Меня здесь никто не обижает, все хорошо относятся. Лето было очень жаркое, а осень до недавнего времени теплая. Но вот уже второй день идет дождь. В магазинах здесь все есть, но все дорого: хлеб черный стоит 530 руб. серый – 550, белый - 570-590 рублей. Я получаю пенсию в 71000 руб., говорят, что скоро еще добавят. Муж Нины Вася вот уже два года как умер. Ездили к нему на кладбище на двух машинах – первая Нининого сына Сережи, а вторая Володина. Помянули там и Васю и моего Сергея. Я когда уезжала с Сядрино, то взяла земли с его могилы и высыпала ее на землю зятя, так что поминали их здесь сразу обоих.

Дорогие мои, живу я сейчас от вас так далеко-далеко, и лет нам много, так что мы, наверное, уже больше никогда не увидимся, а так хочется повидать всех Вас. Оле в Брянск я написала два письма, но ответа нет, наверное, уже умерла. Передаю всем Вам от моих детей и внуков большой привет. Пишите, как живете. Всех Вас крепко целую. Вера.

22.06.1995.

Здравствуйте, наши дорогие Валечка и все твои дети. Долгожданное письмо от Вас я получила, а в нем оказалась трагическая весть, что нет уже моего брата Коли и твоего, Валя, мужа. Узнав об этом, я сразу потеряла сознание. Никак не могу забыть и никогда не забуду своего мужа, а тут другое горе – брата нет. Валечка дорогая, говорю тебе, береги себя, не плачь, а у самой

слезы так и льются. У меня и у самой тоже здоровье плохое. Все болит и стала плохо видеть. Я живу у сына Володи в Новосибирске. Вся его семья относится ко мне хорошо, но я скучаю по Сергею, и вот уже второй год по нему плачу. Володя с женой работают, дочери Тамара и Нина уже на пенсии. Жить им без мужей нелегко, но дети их уже взрослые, в беде их не оставляют. Соболезную тебе, Валечка, но ты крепись, ведь жить как-то надо. Желаю тебе и твоим детям здоровья и счастья. Мне трудно писать, плохо вижу, руки дрожат.

У нас в Сибири еще холодно, все ходят в куртках и пальто. В огородах все плохо растет. Привет вам от моей семьи. Жду от тебя ответа. Обнимаю. Вера.

4. ПИСЬМА К РОДИТЕЛЯМ В ГРОДНО ОТ ДОЧЕРИ ГАЛИ ИЗ ГОРОДА. БИШКЕКА (РЕСПУБЛИКА КИРГИЗИЯ)

Самая большая стопка с письмами, приходившими в 1990-2000-е годы в Гродно, это письма к родителям от живущей и поныне в столице Киргизии Бишкеке (до этого Фрунзе) моей младшей сестры Галины Николаевны Добролет (до замужества Черепица). После окончания Лидского химико-технологического техникума она работала на заводе электрических изделий, а выйдя в начале 1970-х годов замуж за уроженца Минщины, инженера Венедикта Ивановича Добролета, она переехала вместе с ним к месту его постоянной работы и жительства. Веня, как мы звали все его, был он значительно старше Гали, работал начальником цеха на одном из крупных предприятий города, и она тоже стала работать там же в одной из лабораторий. Жили они дружно, обеспеченно и хлебосольно. Мама и папа, сестра Неля неоднократно бывали у них в гостях и приезжали обратно с хорошими впечатлениями и настроением. С радостью и мы встречали Галю, Веню и их детей Мишу и Катю у себя в Гродно. Однако в начале 1900-х годов на фоне развала страны, приостановки работы родного предприятия, материальных проблем и другого, Веня ушел в себя, запил, в результате чего семейная жизнь дала трещину. Все попытки Гали и родителей восстановить эти отношения не давали должного результата. Отъезд детей на учебу и по семейным обстоятельствам в другие города и страны еще более осложнил ситуацию. Мы из Гродно, как могли поддерживали Галю, когда она практически осталась в Бишкеке одна. Поддерживали ее и дети. Письма моей сестры Гали к родителям и одновременно ко мне и старшей сестре посвящены в первую очередь ее личной и семейной жизни, но они в значительной степени охватывали и вопросы повседневной жизни пенсионеров в Киргизии, к которой она впоследствии также приобщилась по достижению пенсионного возраста. Первое из сохранившихся ее писем было отправлено в Гродно после непродолжительного пребывания в гостях у нас в Гродно.

14.01.1992.

Дорогие мои родные, здравствуйте!

Спасибо Вам большое за все. Теперь мое пребывание у Вас кажется мне быстро промелькнувшим сном. Рада, что повидала всех и освежила свои представления о гродненцах. Так хотелось бы пожить среди Вас подольше, без забот и тревог, но грехи не пускают. Дай Вам Бог, всего самого хорошего. Доехала я домой неплохо. До Москвы ехала в купе одна, а во всем вагоне было

человек пять. Чисто, тепло. На Белорусском вокзале носильщик (вернее, просто какой-то парень на подработке) донес мои вещи до остановки такси за 15 руб. Ждала такси около часа. Народ собрался, а машин все не было. Оказалось, что таксисты бастуют и не придут, а частники взамен предлагают свои услуги до Казанского вокзала за 150 руб. Мы, трое женщин из очереди, сбросились по 50 руб., остановили частника, он согласился нас взять и довезти до Казанского вокзала. Там в ожидании своего поезда разговорилась с каким-то дедом, который едет этим же поездом до самого Бишкека, только мне досталась лишь плацкарта, а у него место в купейном вагоне.

Вещи до поезда помог нести один солдатик. Место попалось очень плохое. Как я и думала, вторая полка, боковая. Двери в тамбур, где туалет были выломаны, и все запахи были у нас. Боюсь за чемодан, лежит в проходе, а народ без конца ходит то туда, то сюда. Около часов трех ночи поезд остановился в Рязани. К нему подошел встретить меня Миша с другом. Поговорили, выглядит хорошо, радостный. Остаток ночи провела в этом же вагоне. Наступил день 31 декабря. Мужики забегали с бутылками водки, готовятся встречать праздник. Ну, думаю, что-то тут будет ночью. Попросив соседку присмотреть за вещами, я пошла в купейный вагон, где проводница взялась меня пристроить за 50 руб. С трудом туда перебралась и попала в купе к деду, с которым познакомилась на вокзале в Москве. Мы с ним дружно ехали трое суток и Новый год встретили. А ночью, что творилось. Проводники перепились и заморозили два вагона. Потом из них пассажиров перераспределяли по другим вагонам. Были драки, одного парня избили до полусмерти, возвращался домой из армии. Повыбивали по пьяни кое-где и окна, но в нашем штабном вагоне было тихо.

Встретил меня Веня, Катя была на занятиях в университете. Я ему от Вас «Зверобой» вручила, чашку с блюдцем. Доволен был, а вечером пришел поддатым, не могу его видеть таким. Потом доставила радость Кате подарками от всех Вас. Ей все подошло, так что она довольна и счастлива. А вот Миша на днях нас по телефону обрадовал тем, что он не может больше жить в Рязани в общежитии и хочет вернуться домой с переводом в местный политехнический институт. Я эту проблему прозондировала. У нас в институте ничего против перевода не имеют. Сейчас многие переводятся. Время тяжелое, трудно прокормиться. Но Веня этого не хочет, считая, что российское образование намного выше, чем в Бишкеке. В общем, я уговорила Мишу потерпеть до конца учебного года, а там будет видно, что дальше делать.

Читала где-то, что у Вас цены на большинство продуктов остались прежними. Это здорово! У нас же цены ужасные: Масло сливочное – 105 руб. за 1 кг, хлеб – 3-4 руб., яйца – 14-16 руб. за десяток, молоко – 2 руб. 50 коп. за

1 литр, творог – 20 руб., сметана – 34 руб. за кг. Мяса в магазинах не бывает, а на базаре: свинина 45-50 руб., говядина – 50 руб. за кг. Все в панике: как выжить? Мы то, хоть как-то, но работаем, а как неимущим, пенсионерам? Пенсия у них 340 руб. При мне как-то бабушка купила два яйца за три рубля и заплакала.

Дорогие наши, еще раз спасибо за все. Целую. До свидания. Галя.

14.04.1992.

Дорогие наши родные, здравствуйте!

Получила от Вас уже два письма, а я все не соберусь ответить Вам. Рада за всех гродненцев, что у них всех нормально жизнь идет.

Каковы дела у нас? Жизнь стала ужасно дорогой, цены каждый все растут: масло сливочное – 170 руб., масло растительное – 32 руб., мяср – 50-60 руб., яйца – 14 руб., молоко – 5 руб., творог – 30 руб., сметана – 48-60 руб. И это, наверное, не предел их роста. Все деньги идут на питание и помощь Мише. Купить что-нибудь из одежды очень трудно. Я себе вообще ничего не покупаю, хожу в старом. Катя иногда поворчит – то ей то надо, то это. Поворчит, и на том сядет. Заработки небольшие. Я работаю на полставки. Так работает вся лаборатория и почти весь завод. Малый объем работ, да и за них платить нечем, нет денег у предприятия. Хорошо, что Катя получает повышенную стипендию, учится хорошо.

Здоровье у всех так себе. Веня почти месяц был на больничном из-за остеохондроза. Сейчас вышел на работу. Ужасно тяжелый человек, а временами он становится просто невыносимым. С Катей не ладит, обо мне я уже и не говорю. Раз в месяц обязательно напивается, а потом еле приходит в себя, матерится. Мы с Катей живем дружно. Миша пишет, у него все нормально, учится.

Ездим на дачу. Кое-что там делается. Хотелось бы больше, лучше, но во-первых, здоровье не позволяет, да и отец у нас не сильно большой труженик. Может приехать и вместо работы завалиться спать. А у меня душа болит. У нас сейчас тепло и зелено. Письмо получилось небольшое, но в следующий раз напишу обо все поподробнее. Всем привет, еще раз благодарю за помощь. Целую. До свидания. Галя.

11.05.1992.

Дорогие наши родные, здравствуйте.

Получила неделю назад от Вас посылку с кроссовками, ветровкой и т.д. Кате все понравилось и подошло. Спасибо! А у нас все по-старому. Я работаю на полставки. Зарплату не дали еще и за март месяц. Ждем, может сегодня будет. Там то и денег всего 800 руб., что по нынешним временам мало, но все-таки. Отец у нас в отпуске. Все грозился поехать к Мише, в Белоруссию, но на том и сел. Говорит, что денег нет, зато поддает частенько. У Катюши все пока хорошо. Миша пишет мало и редко. Ничего не просит, но мы сегодня пошлем ему продовольственную посылку. Собрали кое-что, наскребли можно сказать. Цены у нас такие, что ни к чему нельзя подступиться.

Завтра у меня выходной. Собираемся ехать на свой огород. Дачей уже это место не называю. Мечтали о доме, но его нет, да уже, наверное, и не будет. И все же люблю этот клочок земли. Единственное, что сейчас по-настоящему доставляет радость. Кругом все цветет – яблони, персики, абрикосы, вишня, черешня, сирень, тюльпаны. Так хорошо. Посадили все необходимое, чтобы не ходить за всем на базар. Это большое подспорье для семьи. В настоящий момент у меня ничего не болит, а отец наш все время киснет – там болит и сям. Вот такие у нас дела. Привет от нас всем нашим. Берегите себя, родные мои. До свиданья. Целуем. Галя.

18.06.1992.

Дорогие мама и папа, здравствуйте.

Вчера получили от Вас посылку с нужными нам вещами. Мне особенно понравились тапочки – мягкие, легкие, в самый раз для моих больных ног. Мише тоже кроссовки подошли. Спасибо Вам за все.

Каковы дела у нас? Как и у всех, по-разному. Я сейчас не работаю. Закрыли полностью завод из-за отсутствия у него наличных денег. Заводы-потребители задолжали нам 60 млн рублей, но и у них нет наличных. Получается какой-то непонятный круговорот. Сколько будем сидеть без работы не знаем. Работаем на даче, но из-за холодов особо на урожай не рассчитываем, за исключением возможно только яблок. У нас сейчас очень плохо с сахаром. В государственной торговле его нет, а у частников – 80 руб. за кг. Так что много варенья не наварим. Отец наш работает. Благо, что пока их вроде не закрывают. Не дай, Бог, если это произойдет. Сейчас унас все дорожает безостановочно. Но мы ничего, как-то выживаем. Все понемногу

болеем, но держимся, хотя отец наш стал сильно запивать. Недавно еле отошел, но сейчас вроде бы взялся за ум. У Кати и Миши все нормально, учатся.

У нас сейчас многие русские, в том числе и с нашей работы уезжают в Россию. Бегут, боятся насилия со стороны националистов-киргизов. Но сделать это не так-то просто: продавцов квартир и дач много, а покупателей мало. Иные отдают все за бесценок. Налогами душат при выезде. Чтобы уехать нужно иметь много денег. Мы, конечно, бедны и никуда не поедем. Надеемся, что до чего-то страшного здесь дело не дойдет, так как недавно Акаев с Ельциным договорились о дружбе и сотрудничестве. Сейчас всех больше беспокоят ядерные взрывы на полигоне в Китае, что совсем недалеко от нас. Алма-Ату, говорят радиацией прихватило, и у нас тоже повышенный фон. Официальной информации на этот счет нигде нет, но люди об этом кругом говорят. Мы же, как и всегда, надеемся на лучшее.

Дорогие мои, берегите себя. Передавайте привет и наилучшие пожелания всем гродненцам и лидчанам. Целую. До свидания. Галя.

17.08.1992.

Здравствуйте, дорогие родные!

Мама, недавно получила от тебя письмо. Спасибо за него большое. Почитала, как будто поговорила с тобой. Рада за всех гродненцев, что все у вас обстоит неплохо. Представляю, как Вам с папой хорошо – уютная, светлая и чистая квартира, все у Вас есть. Дружно, мирно. Счастье это большое. И дай Вам Бог, побольше здоровья.

Я уже месяц как работаю. Целых два месяца у меня был перерыв в работе. И он был кстати для работы уже на даче. В прошлое воскресение собирали яблоки, продали их на 1500 рублей. Приводим в порядок клубнику. Со здоровьем у меня получше, все от того, что не ходила на завод. Катя летом отдыхала на Иссык-Куле, готовится туда в сентябре поехать и Веня. У нас с ним сейчас отношения более-менее неплохие. Рады, что поедет в санаторий, и нам с Катей будет хорошо. Некому будет капать на нервы. У Миши все нормально, постоянно с ним на связи. Все время тревожусь за него. Молюсь за то, чтобы все дурное обошло его стороной. Скучаем. Приедет только на зимние каникулы.

А у нас с этого понедельника страшно выросли цены на продукты питания. Масло сливочное вместо 180 руб. стало 426 руб.; яйца были 18 руб. стали 26 руб.; молоко было 2.50 стало 14.50, сметана была 36 руб. стала 98 руб. и т.д. Между тем, как зарплату не добавили. Все возмущаются. В Нарыне бунтовал народ. Идет его обнищание, особенно тяжело пенсионерам. Их пенсия сейчас эта - не более 1000 руб. Как прожить на такие деньги. На улицах появилось много нищих, попрошаек. Мы пока еще не бедствуем, хотя жить нелегко. Привет всем нашим от нас. Целуем. Галя.

***

Последующие письма Гали в Гродно были заполнены ее горестными переживаниями, связанными преимущественно с запоями мужа, а также с ее безрезультатными усилиями помочь ему и сохранить семью. Иногда ей казалось, что выпавшие на ее доли муки и страдания вынести уже невозможно. Но забота о детях-студентах, нуждавшихся в ее помощи, давали ей, несмотря на временную безработицу, недомогания и болезни, неизвестно от куда бравшиеся силы. Большую помощь Гале в эту пору оказывали родители и все «гродненцы» своими письмами, телефонными звонками, а иногда и скромными посылками. Вдохновляли мою сестричку и ее дети. Женитьба Миши, устройство личной жизнь Кати отвлекали ее от беды, связанной с алкоголизмом мужа, невозможностью последнего уже и работать. И она трудилась за двоих, стараясь не видеть того ужасного, что стало, к сожалению, уже привычным. Спасали кратковременные поездки к своим родным в Гродно, где было светло и легко.

14.01.1995.

Дорогие родные, здравствуйте!

Сегодня воскресение, а потому позволила себе поспать до девяти утра. Катя готовит завтрак, а я пишу письмо к Вам. Каковы у нас дела? Бывает по-всякому. Завод мой закрыт с 1 января, до этого немного работала, но бесплатно, так как денег нам уже не платили. Как жить? Тогда я взяла для продажи в счет заработной платы заводской т. н. ширпотреб – детские коляски, грузовые тележки и другую дребедень, постараюсь все это как-то продавать. Как могу подрабатываю, устроилась уборщицей в университете на две ставки. Устаю, но это уже около 400 сомов. Также беру на себя реализацию детскую одежду. Катя немного зарабатывает переводами. Так что мы сильно не бедствуем. Мы с Катей живем дружно. На личном фронте у не все нормально, но замуж пока не собирается, надо закончить университет. У Миши и его Лены

семейная жизнь складывается в целом неплохо. А отца нашего уволили, пьет не переставая уже две недели. Что не делали с ним и для него – ничего не помогает. Трагедия полная, но Вы о нас не беспокойтесь. Я уже не та, что прежде. Крепче стала духом, стараюсь не расстраиваться. Брось меня куда угодно, и я выживу. В таких переделках в своем родном доме была, что вынесу, наверное, все.

У нас стоит отличная погода. Тихо, идет снежок, небольшой морозец, не холодно. Берегите себя. Целуем. До свидания. Галя.

18.05.1995.

Дорогие родные, здравствуйте.

Наконец-то собралась написать Вам. Время летит так быстро. Вроде недавно была у Вас, когда провожали в последний путь папочку. До сих пор не верится, что его нет с нами. Его фотография стоит у меня под стеклом в серванте. Все время смотрю на нее и не могу поверить, что он где-то далеко-далеко, откуда нет возврата. Вот уже и сорок дней прошло со дня его кончины. Помянули папу с Катей и ближайшей соседкой. Тебе, мама, сейчас особенно трудно, но такова жизнь. Хорошо еще и то, что дети и внуки находятся рядом. Береги себя, свое здоровье. Сколько не переживай, этим уже ничего не изменишь.

У нас все по-прежнему. Катя готовится к экзаменационной сессии. Здоровье у нее не важное. Сделали снимок почек, лечимся. Была у Миши два дня. Материально живут при родителях Лены неплохо, но нет своего угла, и когда он будет неизвестно. Отец наш каким был таким и остается. Вот уже полгода не работает, пьет и распродает все что у него было инструменты, сантехнику, кирпич, заготовленный для строительства дачного дома и прочее. Мы с этим уже как бы смирились. Пропащий человек.

Здоровье у меня вроде ничего. Езжу на дачу. Почти все посадила, растет и цветет сад, но на все сил не хватает. Травой зарастает клубничник. Торговать не хожу, не успеваю. Рано утром убираю в университете, потом бегу на завод в свою лабораторию, домой прихожу к обеду совсем без сил. Пока обед приготовлю, то да се, смотрю уже и вечер наступил. А утром все начинается сначала. Привет всем гродненцам. Целуем и обнимаем. Галя и Катя.

24.09.1995.

Дорогая мамочка и все родные, здравствуйте!

Опять немного задерживаюсь с ответом на твое, мама, письмо, за которое тебе большое спасибо. Ты уж извини меня: то работа, дела, да и настрой нужен. Пишу поздно вечером. Кати нет дома, ушла со своим женихом Эролом гулять. Он богатый деловой человек из Турции, работает у нас в Бишкеке. Ухаживает за ней уже больше года, зовет замуж, но Катя отказывает ему, ссылаясь на то, что ей нужно закончить университет. Он значительно старше ее, помогает ей с лечением и готов на все, в том числе и ждать. Сейчас Катя на практике в школе, в 8-0м классе дает уроки немецкого языка. Судя по всему, оба любят друг друга. Катя говорит, что он очень добрый, и его кругом все любят и уважают. На встречи с ним она буквально летит. Что касается нашего отца, то он находится в любимом состоянии опьянения и спит. Недавно только что вышел из запоя. Здоровье у меня нормальное, у Кати- по-всякому. На днях Эрол поведет ее к известному профессору по поводу ее проблем с почками.

Вот такие дела у нас. Сейчас занята заготовками на зиму. Уже немало чего изготовила с помидорами, баклажанами и т.д. Варенья из клубники, вишни, малины, смородины, а также слив, абрикосов и персиков, наварила 65 литров, благо то, что зимой взяла мешок сахара. Крыжовника собрала с трех кустов четыре ведра, но варенье из него не люблю, продала. Яблок отборных собрала ведер двадцать. С одной сливы сняли ведер шесть очень вкусных плодов. Много еще чего предстоит снять, да как –то домой перевезти и насушить.

На заводе сейчас не работаю. На сентябрь его закрыли, что будет дальше неизвестно. На этой неделе будет полгода, как нет папы. Обязательно помянем его с Катей. Часто вспоминаю картины детства: и как мы в лес по грибы и ягоды с ним ходили, и как возле печки он нам про войну рассказывал и про многое-многое другое. Жалеем его, хорошим он мужем, отцом и дедом был. Мама, тебе так повезло с ним в жизни, а нам с Нелей –нет счастья. Мамочка, береги себя. Привет всем родным. Целуем. Галя и Катя.

10.11.1999.

Здравствуйте, дорогие мои родные!

Наконец-то решила написать Вам письмо. Долго собиралась. Сегодня 9 июля, а послезавтра у тебя, мама, день рождения, с которым я тебя сердечно

поздравляю. Желаю тебе доброго здоровья, душевного спокойствия, поменьше тревог и забот. Все мы тебя крепко любим и часто хорошо вспоминаем.

Каковы дела у меня и моего разбросанного семейства? У Миши дела идут неплохо. Защитил диплом, работает по специальности. Ожидают прибавления в семействе, но с квартирой им пока ничего не светит. У Кати с Эролом в настоящее время все вроде бы нормально, хотя у нее в отношении его настроение часто меняется. Но сейчас говорит, что Эрол очень хороший, любит ее и заботится о ней. Сейчас в Турции экономический кризис, и ему приходится нелегко. Как хороший экономист, он мог бы успешно работать в этом направлении и зарабатывать неплохо, но он хочет быть хозяином своего дела. В Анкаре он открыл свой мебельный магазин, и Катя помогает ему через компьютер в деле рекламы, заказов и т. д. До этого она работала в Стамбуле в одной из газет переводчиком. Переводила с немецкого и английского на русский, писала статьи о работе в Турции русских ресторанов, такси и прочего. Работала с утра до позднего вечера с одним выходным в воскресение, получала мало, но зато какой опыт.

У нашего Добролета все по-прежнему. Пьет с небольшими перерывами. Держит квартирантов. Когда деньги кончаются, тогда вспоминает меня. Жалко его бывает, но уговаривать его, чтобы не пил бесполезно. Злится, как последний псих. Жить с ним никогда уже не смогу. В подаренной Эролом и Катей квартире мне живется одиноко, но спокойно. Стараюсь заполнять свободное время домашними делами и работой на огороде. Вот такая моя жизнь. Привет всем-всем. Целую. До свидания. Галя.

15.05.2000.

Здравствуйте, дорогие родные.

Вот уже 4-ый день, как я в Бишкеке. Что лукавить, была очень рада приезду домой. Но сегодня уже думаю – дом ли? Вспоминаю, как хорошо мне было рядом с Вами в Гродно. Чувствовала себя защищенной, не одинокой. Никак не могу найти себе место. Ощущение какой-то своей неприкаянности не покидает меня вместе с желанием чувствовать рядом родных людей. Наверное, чуть попозже успокоюсь и буду жить так, как прежде. Между тем, не оставляю мысли о переезде к Вам в Гродно. Уже отправила письмо в столицу Казахстана Астану, в консульский отдел. Именно там, а не в Бишкеке, решают вопросы, связанные с переездом в Беларусь. Буду надеяться на положительный ответ. Интересуюсь ценами на двухкомнатные квартиры. Они всякие: есть дорогие, но их особенно не покупают, есть и дешевые. На днях

дам объявление в газету на свою квартиру. Вообще предложения превышают спрос, но пытаться продать буду.

Доехала до дома хорошо. В Рязани меня встретил Миша и Лена. Погостила у них два дня. Понянчила немножко своего внучка Максимку, ему четыре с половиной месяца. Его все очень любят. Живут нормально. Передают Вам всем большой привет и спасибо за комбинезон для Максимки. Дети к моим думам о переезде относятся положительно, хотя Миша и жалеет отца. В общем рада, что повидала их. У Кати тоже, слава Богу, все хорошо.

Да, еще вспомнила. Только приехала, позвонил мне Добролет. Спрашивал о Беларуси, о жизни там и прочее. А потом попросил: «Галя, принеси чего-нибудь поесть. Я знаю, что ты чего-нибудь с родины привезла». Собрала ему пакет, отнесла. Глянула на него – вид полностью опустившего человека. Ну, да Бог с ним! Я уже ничем не могу ему помочь.

Мамочка, родная, я очень была рада повидать тебя. Спасибо, что ты есть. Думаю, скучаю, люблю. Целую. Галя.

***

После кончины мамы все Галины письма стали поступать на имя нашей старшей сестры Нели. В этой переписке, почти в каждом письме, неизменно упоминались имена наших родителей. Память о них будет жить в наших душах и сердцах вечно. Эту память о них мы стараемся передать нашим детям, внуками правнукам.

15.07.2001.

Здравствуйте, дорогая Нэлюша и все-все родные!

Посылаю это письмо с соседкой из моего дома. Она приехала в Гродно к своей сестре, уехавшей из Бишкека еще год назад на постоянное место жительства. Хочет посмотреть на Ваше житье-бытье с намерением, в случае, если ей понравится, также перебраться в Беларусь. Сейчас все славяне бегут кто куда из Киргизии в поисках лучшей жизни. Выехала уже третья их часть.

Я ведь было тоже загорелась, да возникли проблемы, сомнения. Здесь у меня есть работа, нужно зарабатывать пенсию. Есть у меня квартира, есть уже устоявшийся уклад жизни. Есть Добролет и его квартира, которую хочу сохранить для Миши. Он до сих пор не имеет своего угла и живет в примаках. Есть здесь у меня и сад, и огород, к которым я по-своему прикипела, а также

многое другое, окружающее меня, включая удивительную природу и климат, который в целом благотворен для меня.

И это при всем том, что жизнь в Бишкеке стала очень дорогая. Средняя зарплата в республике – 27 долларов, у меня – 34 доллара, а это - 1700 сомов. Очень дорогая у нас плата за квартиру, коммунальные услуги, свет, газ, отопление. За все это я плачу в месяц около 800 сомов, а на остальные как-то живу и еще кормлю раз в день дармоеда. Стоит не прийти один день, сразу звонит, что умирает с голоду. А три недели назад для меня произошла большая неприятность. Банк, в котором я держала свои небольшие сбережения, и на проценты от которых я жила, взял и объявил себя банкротом. Так что плакали мои денежки и то, что как-то поддерживало меня. Все говорит об упадке: лопаются банки, рушится промышленность, нет ничего. Акаев обращается ко всем с протянутой рукой, побирается. Все такие злые на него, «демократа» чертова, многие говорят, что он алкоголик запойный. Вся верхушка власти погрязла во взяточничестве, жирует посреди полного развала страны. 80% населения республики – бедных людей, поэтому и бегут отсюда все, кто может.

Конкретно о себе. В основном я живу неплохо и без особых на что-то претензий. Немного беспокоит гипертония, но я постоянно пью лекарства. Работаю, езжу и работаю на садовом участке. Здесь я расслабляюсь и ухожу тот всех мировых проблем. Рядом с участком бушует речка, хорошо. Несмотря на разные неприятности и одиночество, я не отчаиваюсь и нахожу свои радости в жизни. Моя старая собачка Нурка, родила нечаянно, я даже и подумать не могла, что так получится, великолепного щенка, которого я назвала Пыж. Ему уже месяц и растет он не по дням, а по часам.

Веня, как пил, так и пьет. У него на квартире сейчас квартирует киргизская семья из пяти человек. Это добрые и хорошие люди, и я очень боюсь, что им скоро надоест жить с пропащим алкоголиком, и они уйдут. Они его и подкармливают, а бывает, что и разыскивают его по всему микрорайону, если к вечеру его нет дома, а ночью не выпускают на улицу за очередной порцией «горючего». От того, что они за ним приглядывают, мне намного легче все это переносить. Мне его и жалко бывает, но и злюсь на него за то, что и сам пропадает, и нам не дает нормально жить. Все пропивает, а за квартиру мне платить приходится платить. Квартиру сберечь надо для Миши. У Кати все есть. Добролет о детях почти никогда не вспоминает. Одна мысль – выпивка. Иногда листаю свою жизнь и понять не могу, почему все так получилось, ведь так хорошо мы начинали свою совместную жизнь. Что тут сделаешь, это мой крест, и я буду нести его насколько сил хватит.

Нэлюшенька, как у тебя здоровье? Береги себя, лечись, родная. Ты счастливая, твои дети, внуки - рядом. Они всегда тебе помогут своим вниманием, участием и любовью. Дай Бог, чтобы поправилась и приехала опять погостить ко мне. Я буду этому безмерно рада.

Сегодня 15 июля. Прошел мамин день рождения – 11 июля, а 27 июля исполнился год, как ее не стало. Портреты мамы и папы стоят у меняв зале на видном месте, и я, глядя на них часто вспоминаю многое из нашей совместной жизни. Особенно часто переношусь в детские годы, как в лес ходили, как картошку на поле сажали, Как рвали с папой траву для поросенка Васьки и многое другое. И становится так жалко-жалко наших родителей, что так жизнь скоротечна и что скоро все мы там будем… Хожу в церковь в родительские дни, заказываю обедни за упокой их душ.

Один раз мне приснился такой яркий и четкий сон. Я на кухне вожусь, оборачиваюсь, а на стуле за столом сидит мама. Вспоминаю тут же, что ее уже нет в живых, но все равно спрашиваю ее, о том, как она здесь оказалась, а она и говорит, что села на поезд и приехала, соскучилась по тебе и денежек привезла, помочь тебе хочу. И была она не такой, как год тому назад, а в средние лета, такой какой она мне запомнилась еще по той поре, когда мы жили в Лиде, и какой она осталась в моей памяти тогда. Очень жалею, что не смогла с ней проститься, так как у меня тогда были финансовые трудности.

Нэля, будет время, напиши мне обо всем и обо всех. Передавай привет семье Валеры, семьям Иры, Ани и Коли, всем-всем. Всего Вам наилучшего. Целую. Галя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и прочитано последнее письмо из домашнего архив моей покойной мамы. Как и все предыдущие они оживили в памяти образы родных и близких мне людей, а также и то поистине драматическое время, в ходе которого проходили глобальные геополитические процессы, которые не только меняли контуры политической карты мира, ломали судьбы людей, но и вынуждали их приспосабливаться к тем условиям, в которых протекала их повседневная жизнь.

В принципе, пожилые люди, пенсионеры, и в годы, предшествующие «лихим 90-ым», испытывали все то, что испокон веков вмещалось в смысл известной русской поговоркой – «старость - не радость». Однако то, что пришлось пережить этим людям после роспуска Советского Союза, многократно изменило их представления о ситуации, в которой они внезапно оказались. В годы Великой Отечественной войны все лишения и трудности тогдашней жизни им были понятны и объяснимы через содержание такого лозунга как «Все для фронта, все для Победы». Понятны им были и восстановительные трудности послевоенной поры, но большинство из пенсионеров 90-х никак не могли понять, почему их предыдущая, год от года все же постепенно улучшавшаяся жизнь, вдруг и сразу обрушилась без всяких войн и видимых общественных потрясений.

Подобное недоумение разделяли пожилые люди практически во всех уголках некогда единой страны. В той или иной форме его выражали в своих письмах и участники вышеназванной переписки. Будучи рядовыми гражданами СССР, далекими от высокой политики и тех сфер, где решалась судьба их страны, пенсионеры тем не менее все же касались в своих письмах, хотя и в самой общей форме всего того, что влияло на состояние и уровень их жизни: 1) финансово-экономическое положение (размер пенсии); 2) медицинское обслуживание; 3) социальная помощь; 4) роль руководства бывших советских республик в определении места пенсионеров в тогдашней жизни и другого.

Публикуемые письма позволяют выявить также и такие приоритетные ценности для моей мамы, для родных и близких ей людей как семья, ее материальный достаток; благополучие и здоровье всех окружающих людей: братьев и сестер, детей и внуков; отношение к себе со стороны родственников и друзей, бывших сослуживцев и соседей; их общая информированность о состоянии дел в мире, стране и в каждом отдельном регионе. Примерами, имеющими отношение к этим ценностям, богато насыщены строчки этих писем, независимо от того, откуда они пришли к моим родителям в Гродно.

Письма из маминого домашнего архива позволяют выделить и определить и некоторые особенности тех настроений, которые испытывали пожилые люди и пенсионеры, проживавшие в 90-е годы в городах и селах Беларуси, Российской Федерации, Украины и Киргизии, включая их тревогу о кризисном состоянии в местах своего постоянного проживания (введение новых и различных денежных знаков, купонов, чеков и т.д., дороговизна, инфляция, рост цен на продовольственные и промышленные товары, очереди за тем, что подешевле, упразднение колхозов и совхозов, закрытие заводов и фабрик). Нашла свое отражение в письмах пенсионеров и страшная безработица тех лет, коснувшаяся в той или иной степени их окружения, а также непонятная им приватизация, образование множества частных предприятий и всего того, что стало именоваться бизнесом, предпринимательством, челночной торговля, рэкетом и клановo-олигархическими группировками). Огромной была и их обеспокоенность превышением смертности над рождаемостью, буквальным мором среди своих ровесников; падением нравственно-культурного уровня населения, особенно молодежи; разгулом пьянства, рост преступности, распространением наркомании и аморальных проявлений, увеличением семейных драм и разводов. Конкретных примеров всего этого из повседневной жизни пенсионеров и их окружения в публикуемых письмах присутствует огромное множество.

Практически во всех получаемых тогда мамой письмах присутствовала потребность их авторов в той или иной степени разобраться в ценностях и смыслах прожитой ими жизни. Некоторые из них как могли выражали свой пессимизм в отношении тех преобразований, которые осуществлялись в те годы в их селах, города и регионах. В процессе этого значительная часть участвующих в переписке пенсионеров вспоминала советскую эпоху как время пусть и не зажиточное, но стабильное, в котором они были надежно социально защищены. Они не скрывали того, что несправедливо пострадали от политических и экономических встрясок и кризисов 90-х годов. Особенно возмущал пожилых людей почти ежедневный рост цен, который тут же съедал любую прибавку к пенсиям. Пенсионеры не скрывали того, что скучали по тому времени, когда они были гражданами огромной многонациональной державы, которая, как они считали, вызывала в мире почти повсеместное уважение. Они с восторгом вспоминали о том времени, когда они могли спокойно ездить друг к другу в гости, причем, в любую точку своей страны, не встречая там ничего негативного по отношению к себе, неизменно отмечали, что тогда и в помине не было так называемых языковых проблем, миграционных процессов и достаточно выраженных проявлений национализма. Страна Советов считали они, была крепкой и сильной. Зарплата выплачивалась вовремя. Работать и учиться можно было везде. Все

люди жили лучшими ожиданиями и уверенностью в том, что «завтра будет лучше, чем вчера» в отличии от той полной «безнадеги», в которой они, их дети и внуки оказались в эпоху крутых перемен.

Ностальгия по советским временам пришлась на конец 90-х годов, когда на постсоветской территории наступил пик экономического и социального упадка, когда здесь и там открыто начался отказ от всего советского и наметился курс в сторону «Запада и его демократических ценностей». Глубочайший экономических кризис коснулся практически всех регионов, абсолютно каждой отрасли. Надрывались налаженные десятилетиями межреспубликанские экономические связи, а на новых рынках, в той же Европе, суверенные и независимые республики, образовавшиеся на постсоветском пространстве, никто там с распростертыми объятьями совсем не ждал. Пенсионеры, конечно же, осознавали, что вернуться назад в СССР уже невозможно, а потому их негативное отношение к т.н. реформам в большинстве случаев было ничем иным, как реакцией на существующие условия их новой жизни, нежели искренним желанием вернуться в прошлое, где, как известно, наряду со светлым и позитивным, было немало и мрачного, негативного.

Картины повседневной жизни пенсионеров 90-х годов, получившие свое освещение в данной публикации в письмах среднестатистических граждан, представляют несомненный интерес для проведения комплексных исследований, посвященных данной проблеме. Источниковедческая значимость такого рода писем заключается не только в их уникальности и оригинальности, в индивидуальном понимании их авторами переживаемых событий, но и в особой эмоциональной окраске, позволяющей в совокупности с другой научной информацией, воспринимать сложные и противоречивые процессы тех лет более полно, правдиво и образно.

Черепица Валерий Николаевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕНСИОНЕРОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 1990-Е ГОДЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ)

Издательство международного электронного журнала
социальных и гуманитарных наук
«АСПЕКТ»
http://aspects.su/

ПРИЛОЖЕНИЕ периодического научного издания
серия ИСТОЧНИКИ

Белград.
Июль 2018